

Евгения
Искренняя

ПОДУМАЙ,
ЧТО СЛУЧИТСЯ ЗАВТРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЧУВСТВА ДВАДЦАТИЛЕТНЕЙ ВЫДЕРЖКИ

18+

Евгения Искренняя
Подумай, что случится завтра
Серия «Чувства двадцатилетней
выдержки», книга 2

*<https://litres.ru/74017386>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Алексей бросил пить, ходит на собрания «Анонимных алкоголиков» и пытается начать жизнь заново — всё ради неё, вожатой, которую полюбил в юности. Спустя двадцать лет случайная встреча подарила им второй шанс. Она согласилась попробовать, ведь ее сердце тоже ничего не забыло.

Но сближение оказалось мучительным испытанием: его борьба с зависимостью, ее сомнения в правильности выбора, многолетняя пропасть между ними и отчаянные попытки собрать любовь по кусочкам.

Когда Алексей узнает страшную тайну, которую Ольга скрывала всё это время, их хрупкий мир рушится. Сможет ли он не сорваться? Сумеет ли она заслужить прощение? И как сохранить любовь, когда у тебя отняли самое ценное?

Психологическая драма о том, как найти в себе силы любить вопреки всему, и как не сдаться, когда кажется, что выхода нет.

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ
ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ
ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Содержание

Книга 2.	5
Пролог	6
Глава 1. Первое Свидание	15
Глава 2. Я не вор!	34
Глава 3. Второй шанс	47
Глава 4. Пластиковые стулья	69
Глава 5. Золото и шрамы	85
Глава 6. Муж на час	101
Глава 7. Голосовое сообщение	116
Глава 8. Москва-река	127
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Евгения Искренняя

Подумай, что случится завтра

Книга 2.

Внимание! Книга содержит сцены употребления алкоголя и табачной продукции. Курение и алкоголь вредят вашему здоровью!

Автор ни в коем случае не пропагандирует и категорически осуждает любые формы употребления, распространения и производства наркотиков и психотропных веществ. Наркотики убивают!

Упоминание суицида и сцен насилия не являются пропагандой и служат сюжетным целям. Если вы или ваши близкие столкнулись с кризисной ситуацией, обращайтесь за помощью к специалистам. Берегите себя и своих близких!

В тексте присутствует нецензурная брань. 18+

Пролог

Плейлист: AngelaShadow – «My heart feels loud»

Январь 2023

Ольга застыла в коридоре и смотрела, как будущий зять взбирается на табурет к антресолям. Вот-вот на свет появится внук, и им скоро понадобится детская кроватка, забытая в куче хлама.

Какая ирония! У меня не получалось забеременеть до двадцати четырех, а дочь умудрилась обскакать на десять лет! Надо же, бабушкой стану в сорок. Не верится... Дети-дети! Что же вы натворили? Когда я спокойно заживу?

Ей казалось, что эмоциональные качели давно закончились в её жизни. Семь лет назад в одночасье прекратились побои, упрёки и ревность. Мужа будто подменили. Он перестал при любом удобном случае винить её в измене, стал чаще признаваться в любви, делал комплименты, приносил цветы без повода и полюбил Алину.

Ольга обрадовалась перемене и передумала разводиться. Продавать родительский дом в деревне не стала, отмела мысль о покупке однушки и бегстве туда с дочерью. Вера в людей шептала ей, что так правильно, она с тем самым человеком, пусть и пришлось пережить несколько лет ада. Это был вовсе не злой рок, а её личное наказание за грех, совершенный в молодости. Всё закончилось, и она вознаграждена

за терпение.

Она думала, что муж одумался и наконец-то утолил жажду мести. Любовь к ней в конце концов победила ревность, да и Ольга доказала преданность. Однако причина оказалась в другом. Он знал о своей болезни семь лет, но скрывал. А когда понял, что времени осталось в обрез, признался. Рак съел его за полгода. Ольга ухаживала до последнего: меняла простыни, ворочала тяжёлое тело, держала за руку, когда он кричал от боли. В ночь перед смертью он прохрипел: «Я тебя простил. Прости и ты меня, любимая». Утром она пришла вколоть очередную дозу лекарства, но было поздно — бездыханное тело не отозвалось.

Как бы ни ненавидела его в душе за украденную свободу, всё равно не была готова остаться одна. Полюбила за эти семь лет, как родную душу. Отдала все силы за эти полгода. Верила.

Одна беда сменилась другой. За несколько месяцев до его смерти Алина призналась, что беременна. Вова тогда обрадовался, засветился от счастья, в нем проснулось желание жить — да только внука на руках подержать не успел. А Ольга, наоборот, схватилась за голову. Ещё одна проблема. Ещё один человек, о котором нужно заботиться. «Мы справимся, зайка», — сказала она в ответ дочери на её пугливый взгляд, хотя сама не верила в то, что говорит.

Когда прошло сорок дней после смерти мужа, Ольга взглянула на округлившийся живот дочери, очнулась от тра-

ура и поняла, что нужно жить дальше ради неё и будущего внука. Теперь у неё будет двое детей, вдвое больше забот, и воспитанием мальчика она займётся основательно, словно это её собственный сын. Больше внимательности, никаких оплошностей.

Сегодня, глядя на избранника дочери, Ольга скрипела зубами и еле сдерживала негодование. Он пришел в дом совсем недавно, без зазрения совести назвал её «мамой» при знакомстве. Быдловат, прост как две копейки, не красавец. Ничего при себе, лишь гнилая «Бэха». Обрюхатил малолетнюю девочку и пристроился на шею.

И как только умная, начитанная дочь додумалась с ним встречаться? В какой-то момент Ольга начала замечать, что Алина скатилась на тройки, но чтобы совсем ветер в голове гулял, не видела, а зря.

Вот что случается с детьми, как только растеряешь фокус внимания. Переходный возраст — самое опасное время. Один раз отпустишь на ночь погулять, а потом разгребай последствия юных экспериментов. Приняла обоих под своей крышей, а куда было деваться? Когда-то Ольга сама дров наломала и теперь старалась быть прогрессивной матерью. Благо парень оказался рукастый, да и мужской силы в доме не хватало. Пусть живут. Быть может, она ошибается, оглядываясь на собственный опыт. У них, в отличие от неё, настоящая любовь, одна и на всю жизнь.

Ольга только сейчас поняла, что поздно обо всем этом ду-

мать. Сегодня Алина на сносях, и пора готовиться к появлению нового члена семьи, а не рассуждать, если бы да кабы.

Добраться до кровати было не так-то просто. Стоя на табуретке, Коля шарил в недрах темной антресоли и нащупал там всё что угодно, только не разобранную деревянную колыбельку. Подавал будущей тёще стеклянные банки с заплесневелым вареньем, детские коньки, коробку с фотоальбомами, початый рулон обоев и другую всячину.

— Ну что там, Коль? Видишь?

— Почти дотянулся, — кряхтел он, просовывая руку глубже. — Книги что здесь делают?

— Нет там книг, — нахмурилась Ольга.

— А это что тогда?

Он передал ей старый пожелтевший ежедневник с маленьким навесным замочком. Ольга протянула ладонь и чуть не выронила, когда узнала в нем свой дневник.

— Это мои записи, — оторопела она.

— Любовные, что ли? — ухмыльнулся Коля.

— Да, было дело, писала, — хмуро уставилась Ольга на подпись на корешке: «2007».

Коля вытащил ножки колыбели, перемотанные скотчем, и подал вниз. Ольга, не отрывая глаз от дневника, приняла их и приставила к стене. Её мысли занимало содержимое ежедневника. Почти шестнадцать лет страницы хранили память о том лете, и она боялась их как огня. Это болезненные воспоминания, к которым она не хотела возвращаться, но сжечь так

и не смогла. Всё думала, когда-нибудь боль утихнет, и она вернётся к ним, с улыбкой будет ностальгировать, перечитывая. Но боль так и не ушла. Всё помнила наизусть, словно это было вчера.

Ольга трясущейся рукой попыталась открыть ежедневник. Ключи давно потерялись, и, несмотря на хлипкий замочек, раскрыть его было невозможно.

— Хотите почитать? Давайте помогу, — заметил Коля, как она мучается, и взял из ящика с инструментами болторез, чтобы перекусить замок.

— Даже не знаю, — замялась Ольга, пока зять возился. — Там столько глупостей. Молодая была, дурная.

— О Владимире Александровиче гадости писали? — усмехнулся он.

— Да нет. Не гадости, — вздохнула она. — Но его бы это сильно расстроило. Хорошо, что он не нашел.

— Хм-м, секреты от мужа? У вас был другой мужчина?

Ольга словила на себе любопытный взгляд зятя.

Стоит ли ему говорить? Это не его дело вообще. Расскажет Алине, и как потом перед ней оправдываться?

— Мы все совершаем ошибки. Важно не то, кто у меня был, а с кем я в итоге осталась.

— Угадал, — улыбнулся он и вернулся к вещам с антресоли, лежавшим на полу. Всё, что было аккуратно выставлено Ольгой вдоль стены, поехало возвращаться наверх, кроме деталей кровати. Разбором хлама никто не хотел занимать-

ся в ближайшее время. — Ай-яй-яй, Ольга Владимировна! Я-то думал, что вы любили моего тестя.

— Столько времени прошло с тех пор. Служебный роман по дурости, не более того. Дружба с одним юношей, непонятно в какой момент вышедшая за границы. Тот, о ком я писала, скорее всего, забыл меня, женился на другой и живет счастливо, — тяжело вздохнула Ольга, искренне веря в свои слова. — Всё равно у нас бы не вышло. А Вову я тоже любила, но по-своему. Он был моей опорой столько лет, без него бы не справилась. И вам с Алиной того же желаю! Прожить вместе так, чтобы было на кого положиться в старости. Любовь быстро проходит, а когда о тебе заботится родной человек несмотря ни на что — самое ценное, что может быть. Умейте прощать друг друга. Это дорогого стоит.

— Так говорите, будто мы расходиться собрались, — нахмурился Коля, запихивая рулон обоев в узкий проем антресоли, но лишь смял его. После неудачной попытки всё-таки вынул обратно и показал Ольге. — Нам это нужно вообще? Может, выбросим?

Ольга закивала головой, глядя на мятый трухлявый рулон, сунула дневник под мышку и нагнулась за банками.

— Если б не ребенок, не разрешила бы вам жить вместе. Алинке учиться нужно, а не по постелям прыгать и в дочки-матери играть! А ты не нагулялся ещё. Посмотрим, как потом запоешь в ЗАГСе.

— Я не отказываюсь от ребенка, — нахмурился будущий

зять, складывая обратно на антресоль старые закрутки, которые Ольга ему подала. — Люблю вашу дочь и согласен хоть сейчас жениться.

— Да знаю, — чуть смягчилась Ольга. — Только голову на плечах всё равно иметь надо! Никто вас не распишет до её совершеннолетия. Будет время подумать хорошенько, успеете притереться. Брак — полдела, можно и без него прожить всю жизнь, а вот ребенка вырастить и не разругаться при этом — целое испытание. Ладно ты, взрослый, понимаешь, что натворил, но Алина... Вся в родного отца, рано с детством рассталась. И ведь я ей говорила, не торопись!

Коля подозрительно покосился на Ольгу, а потом перевел взгляд на её дневник за пазухой.

— Вот с этого места поподробнее. Не понял, она не родная Владимиру Александровичу? Мы чего-то не знаем?

— Не говори глупостей! Скажешь тоже, — огрызнулась Ольга, прижав покрепче ежедневник к груди, и развернулась в комнату, бросив через плечо: — Займись делом! Кроватка сама себя не соберёт.

Коля закрыл антресоль и ушёл собирать кроватку для будущего сына. А Ольга осталась одна. Села на край дивана, провела пальцами по шершавому переплёту.

Она боялась этих записей. Шестнадцать лет прятала их среди ненужного хлама, чтобы случайно не наткнуться. Чтобы не вспоминать.

Давай. Открой.

Она открыла первую страницу. Голос прошлого заговорил с пожелтевшей бумаги:

«10 августа 2007

Наконец-то смена обстановки! Я устала от упреков. Во-ва не считается с моими желаниями, при этом требует своё. Не видела его два дня, и мне стало легче...

В лагере дети смотрят на меня с благоговением. Я, как мама-кошка, приласкаю, пожалею и, если надо, отругаю. Мне достался сложный взрослый отряд — одна на девятнадцать подростков...

Один из них доверяет мне, будто мы давно дружим... поделился своими переживаниями про семью... гиперответственный, берёт на себя обязанности взрослых, а сам до сих пор хочет материнских объятий... У него и имя такое же мягкое, детское — Алёша.

Мне ничего не оставалось, как обнять и пожалеть. Когда он плакал в моих объятиях, на мгновение замечталась, что когда-нибудь буду так же успокаивать своего сына. Наверное, мне суждено стать самой лучшей мамой на свете.»

— Мам, чего плачешь?

Алина зашла в гостиную, тяжело опустилась на диван. Живот уже мешал ей нормально двигаться. Ольга вытерла нахлынувшие слёзы и спрятала дневник под подушку.

— Да так. Отца твоего вспомнила.

— Нашла из-за чего реветь. Он бы на твоём месте ни слезинки не проронил.

— Ну зачем так говоришь? Он был хороший человек.

— Ты с дуба рухнула?! То, что он болел, никак не оправдывает его в моих глазах. Не защищай! Собаке собачья смерть.

Ольга нахмурилась, но промолчала. Дочь с детства помнит, как Вова таскал мать за волосы. Хуже некуда, когда дети видят в доме насилие.

Алина встала, с трудом удерживая равновесие, и направилась к двери. На пороге обернулась:

— Прекрати вспоминать прошлое. Его нет. Живи дальше и радуйся.

Она вышла. Ольга осталась одна.

Живи дальше.

Как только дочь скрылась в коридоре, она робко вытащила дневник из-под подушки, открыла наугад и прочитала:

«...никогда тебя не забуду. И знаешь, я счастлива, что однажды повстречала тебя».

Ольга закрыла глаза. Перед внутренним взором встало лицо, которого она не видела почти шестнадцать лет. Но помнила каждую черточку.

— Прости меня, Лёша.

Глава 1. Первое Свидание

Четыре года спустя.

Ноябрь в северо-западной полосе выдался отвратительным. Два дня назад трещали морозы, а сегодня плюсовая температура превратила снег в ледяную кашу, дороги — в сплошной каток.

Алексей Громов оставил машину на работе в ангаре и пешком оттуда домчался на такси до маленького непримечательного кафе на первом этаже многоквартирного дома. Он приехал раньше назначенного времени и спрятался от дождя под полукруглым козырьком.

Неоновая вывеска за панорамными окнами зазывала внутрь отведать круассаны и ароматный горячий кофе. На стеклянной двери размашистыми буквами красовалось название «Дом Быта Лофт». Внутри горел приглушённый свет. Несколько посетителей, сидевших возле окна, подняли головы рассмотреть гостя на улице, который не спешил заходить в заведение и загородил спиной вид на вечерний проспект.

Закурив, Алексей присмотрелся в сторону улицы, откуда должна прийти Ольга. В такую погоду, да по темноте, небезопасно ходить одной красивой женщине, но когда это её останавливало? Который раз она отказывается, чтобы он встретил, и добирается сама, назначив встречу там, где ей удобно. Он не возражал, всё равно не знал приличных заве-

дений и доверял её вкусу, но всё же беспокоился, как она доберётся.

Рука затряслась, когда он поднёс сигарету к губам. Закусив фильтр зубами и прищулив глаз, чтобы дым не раздражал до слёз, он опустил ладонь и стал сжимать и разжимать пальцы. Последствия ли это алкоголизма или он просто начал замерзать, пока ждал, — остаётся только гадать. При малейшем волнении, как сейчас, ему смертельно хотелось принять на грудь или закинуться чем-нибудь посильнее, чтобы нервы не ныли в плечах. Но он понимал, что несколько часов кайфа снова потянут его на дно, и никакая Ольга его оттуда уже не вытащит. Плюнет на его пропащую душу и исчезнет навсегда.

Всё, баста! Завязывай!

Он терпел и проговаривал про себя мантру: «Пройдёт. Это стресс. Дыши. Вдох-выдох».

На той неделе он решил окончательно завязать, ведь появилась спасительная ниточка — Ольга. Та женщина, что однажды разбила ему сердце, по-прежнему оставалась ему дорога. Она согласилась на свидание вместо того, чтобы бросить его гнить, а значит, он не должен упустить шанс.

В прошлый четверг он приехал к ней на работу с розами, пьяный в хлам, и вывалил всё: и про запой, и про то, что пьёт от любви к ней двадцать лет. Ольга выслушала и не сбежала, сверкая пятками. Как будто знала. Просто взяла цветы и сказала: «Давай попробуем».

Сегодня они взглянут свежим взглядом друг на друга, поболтают о пробках, ужасной погоде и обсудят новинки кино. Без пошлости, интима, горьких воспоминаний и обид. Ольга закажет двойную порцию мороженого, а потом пододвинет вазочку ему, когда поймет, что не может съесть столько сладкого. Он капнет десертом себе на рубашку и отшутится, чтобы скрыть смущение. Она звонко засмеется и вытрет пятно салфеткой, ухаживая за ним. Как раньше, легко и непринужденно. И если вечером распогодится, то он проводит её до дома по ночным улицам, под тусклым фонарем робко попытается поцеловать, и они нелепо столкнутся носами.

Это будет их первое настоящее свидание, которого у них никогда не было. А потом, он в этом не сомневался, будет и второе, и третье, и все последующие.

Ох, Оля! Не понимаешь, на что согласилась.

Вылечить алкоголика — испытание не каждой под силу. Ни одна из его бывших не смогла терпеливо дойти с ним до конца. Их, правда, можно было по пальцам пересчитать, хотя и тех ветром сдувало, как только он отмочит что-нибудь эдакое по пьяни. Но Ольга с ними не сравнится. Эта женщина сильнее, чем кажется. Да и вообще, она первопричина его зависимости. Ведь он пил, потому что её не было рядом, скучал по ней долгие годы и никак не мог выкинуть из своей упрямой головы. Рядом с любимой бутылка станет не нужной, он будет пьян от любви.

За углом дома, где находилась кофейня, хлопнула дверца

машины, колеса пробуксовали по ледяной колее. Со двора вырулил на перекресток белый «Форд» с желтыми шашками и встал на светофоре под красный свет, загородив мордой соседнюю полосу. Алексей услышал позади себя приближающийся стук каблучков, отбросил бычок и обернулся.

Ольга с накинутым капюшоном на голове куталась в ворот серого пуховика, придерживала сумочку, смотрела себе под ноги и семенила сапожками по обледеневшему тротуару. Когда она приблизилась, он протянул руку и обнял её за талию.

— Ой, ты уже здесь! — Она откинула капюшон и встрети­лась с ним взглядом. — Я рассчитывала, что приеду раньше и приведу себя в порядок. Прическа помялась, выгляжу как мокрая курица.

— Ты очаровательно выглядишь, — ответил Алексей, глядя с обожанием на её идеально уложенные локоны, чуть влажные от дождя. Он радовался бы любой прическе, главное, что она пришла.

— Очаровательная мокрая курица, — хихикнула Ольга.

— Да. То есть нет. Вовсе нет! — Опомнился Алексей, смущенно улыбнулся и потянул её внутрь кафе.

Он открыл дверь и пропустил Ольгу вперёд. Внутри помещения приятно обдало теплом. Обмёрзлое лицо пока­лы­вало, ноздри дразнило запахом свежесваренного кофе и выпечки. Перед входом стоял бар из тёмного дерева и холодильники с пирожными, сверху нависала меловая доска с пе-

речнем ассортименте. Девушка-бармен поприветствовала и выбежала из-за стойки с меню в руках, указывая на свободные столики.

Ольга выбрала уголок с двумя голубыми диванчиками в белую полоску друг напротив друга. Между ними стоял круглый жёлтый столик на поддонах, на нем набор красных перечниц, а сверху висела зелёная садовая лампа. За одним из диванчиков стена отделана рыжей кирпичной кладкой. От основного зала их отделяла полка с книгами и настольными играми. По всему заведению под бетонным потолком нависали черные трубы, как будто его забыли отремонтировать. Интерьер кафе напоминал блошинный рынок: что нашли, то и поставили.

Алексей принял у Ольги пуховик и бережно повесил на завитках кованой вешалки для одежды, а затем снял свою куртку и присел напротив, облокотился на стол и сложил руки в замок.

Ольга заправила прядь волос за ухо и принялась изучать меню, а он разглядывал её, словно не видел вечность. На ней темно-синее платье из люрекса с рукавом три четверти и вырезом лодочка, подчёркивающим ключицы. Длину юбки до колена он оценил ещё минуту назад, заглядевшись на её ноги, пока она садилась за стол. В ушах поблескивали серьги с искусственным камнем.

Эти уши достойны бриллиантов.

Когда-нибудь он раскошелится на дорогой подарок. Такое

вложение будет разумнее, чем тратить деньги на дурь. Но в первую очередь надо разобраться со своим дерьмом.

— Что закажем? - вопросительно посмотрела Ольга. — Тут подают огромные венские вафли с мороженым и клубничным сиропом. Есть обалденный салат Цезарь с бомбической заправкой. В него кладут совсем немного сухариков и курицу, обжаренную на гриле. Или двойную порцию шаурмы с картошкой фри?

— Я не голоден. На твой вкус, — отвлекся от размышлений Алексей. — Бывала здесь раньше?

— Да, праздновали день рождения дочери в том году. Заведение небольшое, но кормят на отвал и вкусно.

— С дочерью, говоришь, — Алексей откинулся на спинку дивана и расплылся в улыбке. — На свидания, значит, не ходила?

— А должна? — опустила меню и взглянула исподлобья она, вытянув бровь.

— Мне просто интересно, — пожал плечами он. — Почему такая красивая женщина до сих пор одна? Не верю, что не было предложений.

— А ты не отличаешься оригинальностью, ещё спроси, нужен ли зять моей маме, — хмыкнула она и опустила глаза на коктейльную карту в меню. — Я не собираюсь с тобой обсуждать других мужиков, по крайней мере на трезвую голову. Если так хочешь потешить свое самолюбие, давай закажем по бокалу «Просеко».

А потом еще по бокалу, и еще, и еще. Самое время снова нажраться и показать тебе мое отвратительное «я».

Похоже, что он заметно изменился в лице, так как она ойкнула и поспешила сменить тему.

— Извини, не подумала. Как прошла твоя неделя?

Только он открыл рот, чтобы начать повествование о походе к наркологу, как к ним подошла барменша с блокнотом в руках, и Ольга отвернулась, чтобы сделать заказ. Она взяла десерт и клюквенный морс.

— А вам, мужчина?

— Мне кофе без сахара, а девушке принесите дополнительно к заказу бокал «Просеко», пожалуйста.

Барменша записала заказ и ушла за стойку. Ольга поджала губы и смирила его взглядом.

— Так интересно, с кем я спала, что решил меня напоить? Тебе напомнить, чем закончилось в прошлый раз?

— Просто хочу узнать, сколько у тебя было мужчин, — ухмыльнулся Алексей и потянулся через стол к её кисти. — Хотя я не буду против, если сегодняшний вечер закончится у меня дома на диване.

— Два! Один из них умер пять лет назад, а другой сейчас сидит напротив меня, — проворчала Ольга и опустила под стол ладони.

Он замер с протянутой рукой.

Что я несу? Мне же не хочется это знать, как любому нормальному мужику. Так, стоп! Всего два?! Ай, ладно, она

всё равно не хочет об этом. Потом как-нибудь выпытаю.

— Я ходил в наркодиспансер, — решил он замять пошлый намёк. Обида на лице Ольги сменилась интересом. — Оказывается, у меня не так всё печально по анализам. Печень слегка увеличена, но тест отрицательный. Наверное, успело выветриться к сегодняшнему дню. В крови обнаружено незначительное количество опиоидов, но значение не превышает норму. Списали на прием лекарств от мигрени.

— И каков диагноз? Разве там сразу не ставят на учёт? Что теперь будет с водительскими правами?

— Комиссии не было. Нарколог отправил на всякий случай поговорить с психиатром. Доктор оказался снисходительный. Понимаешь, тех, кто добровольно приходят, а таких единицы, — сделал он упор на этих словах, — берут под анонимное наблюдение. С меня взяли подпись, что я буду являться на еженедельную беседу с мозгоправом и писать в баночку. Пока без заключения. Мне кажется, он вообще не поверил во весь этот бред. Сказал, молодой слишком для алкаша.

На этих словах он прервался. К ним подошла барменша, подала напитки и десерт. Как раз вовремя, и Алексею не пришлось вдаваться в подробности, что лечение не бесплатное. Тогда бы Ольга настояла разделить счёт пополам, переживая за его кошелек, а ему сегодня хотелось оплатить ужин самому, ведь раньше не представлялось такой возможности.

Она с сомнением посмотрела на бокал с игристым, обхва-

тила ладонями рядом стоящий стакан с морсом, придвинула к себе и отпила из трубочки, а потом с волнением взглянула на него.

— Всё в порядке, — заверил Алексей, глядя на её реакцию, и чокнулся с ней кофейной чашечкой. — Давай отпразднуем наше первое свидание!

Ольга улыбнулась и принялась уплетать венскую вафлю. Угостила и его, протянув через стол над своей ладонью пару кусочков, наколотых на вилку. Десерт оказался невероятно вкусным, и Алексей всё-таки капнул подтаявшим мороженым себе на рубашку. Только вытирать пятно пришлось самому. Ольга застеснялась и заковыряла приборами в тарелке.

Наевшись, она отставила посуду в сторонку и стала вспоминать день рождения дочери. Перечислила все блюда, которые они тогда заказали, рассказала все сплетни о молодых подружках её дочери и о их детках: кто и когда пошел на горшок, съел первую козявку и тому подобное. Праздник понравился больше детям, но взрослые тоже неплохо провели время, доедая детские десертные объедки и чокаясь бокалами, пока дети прыгали в игровой зоне вместе с Ольгой.

Из её рассказа он понял, что находиться в кругу малышни для неё — привычное дело. Своего внука она нянчит как родного сына. Наверное, поэтому ей неудобно говорить о мужчинах. Им просто нет места в плотном графике заботливой бабушки и матери.

Алексей больше не расспрашивал, хотя сторал от любопытства, почему же она не искала себе пару после смерти мужа. Мужского внимания ей точно не занимать. Пока они сидели, он насчитал не один любопытный взгляд с соседних столиков. Молодые парни беззастенчиво пялились на неё, слушая вполуха своих спутниц, и его самолюбие действительно тешилось от присутствия такой эффектной женщины за одним столом.

Она выпила бокал за рассказом и прервалась на моменте, когда он махнул рукой барменше повторить игристого. Вместо этого Ольга попросила счёт, настояв, что больше не хочет. Как он и ожидал, она собралась расплатиться за свою часть заказа и полезла в сумочку за кошельком, но он опередил, приложив карту к терминалу. Раздосадовано цокнув, Ольга бросила в стакан для чаевых несколько купюр, встала из-за стола и надела пальто.

Вечер подошёл к концу слишком быстро. Они не посидели и часа. Ольга на улице достала телефон, чтобы вызвать такси. Ледяной дождь стих, но ветер по-прежнему завывал вдоль проспекта. Погода испортила ему планы на долгие проводы и поцелуи под фонарем, поэтому пришла в голову глупая мысль увязаться за ней.

Когда подъехала машина, Алексей спустился по обледевшему ступенькам с крыльца и подал ей руку. Ольга, осторожно шагая, почти приблизилась к нему, но не заметила, как зацепилась ремешком сумочки за перила, поскользну-

лась и схватила его за грудки. От неожиданности он сделал шаг назад, оба потеряли равновесие и оказались на льду. Затылок и позвоночник почувствовали все прелести падения, когда тебе за тридцать, а грудь сдавило от нехватки воздуха. Когда Алексей сообразил, что произошло, Ольга не то засмеялась, не то заохала. Непонятным образом она оказалась на нём сверху. Он смягчил ей удар своим телом.

— Бедняжка, извини, — прошептала Ольга, приподняла ему голову и клюнула в щеку.

— Осторожно, здесь скользко, — прохрипел Алексей.

Ольга прижалась к нему и засмеялась. Его губы тоже невольно растянулись в улыбке, несмотря на тупую боль в затылке. Было бы здорово полежать вот так с ней ещё чуть-чуть, если бы не грязная холодная лужа под ним и пар изо рта.

Когда поднялись на ноги, он отряхнул джинсы, а Ольга отыскала на земле сумку, которая улетела в другую сторону, и достала влажные салфетки, чтобы протереть ему куртку. Таксист посигналил, намекая на платное ожидание. Алексей махом отворил пассажирскую дверь и запихал Ольгу в машину, пока она не опомнилась. Сам сел рядом. Водитель в зеркале окинул недовольным взглядом его внешний вид, но промолчал и поехал на указанный адрес.

Ольга открыла рот спросить, куда это он с ней.

— Потом, — пресёк Алексей попытку возмущения. — Сначала доставлю тебя домой в целости и сохранности. Ма-

ло ли, ещё где-нибудь навернешься. Кто тебя ловить будет?

Вот и повод нашелся продлить вечер. Он понимал, что домой она его не пригласит, но хотя бы не сбежит от поцелуя на прощание, и ерзал от нетерпения, мысленно нажимая на педаль газа и подгоняя неторопливого водителя. Хотелось затискать её прямо тут же в салоне, но Ольга бросала на него недоуменные взгляды, и пришлось умерить пыл. Он накрыл ладонью её кисть и молча отвернулся, чтобы не соблазняться.

Вскоре таксист свернул в темный район. За тонированными задними стеклами Алексей разглядел очертания панельного дома, пустые клумбы, скамью возле входа в подъезд, сквозной проезд во дворе и напротив двухэтажную кирпичную постройку, напоминающую детский сад. Возникло ощущение, что он бывал здесь.

Голосовой помощник навигатора на телефоне водителя сообщил: «Вы приехали. Не забудьте оценить качество поездки».

Алексей выскочил первым, обогнул машину и открыл дверь Ольге, но она полезла с противоположной стороны, где только что сидел он, и направилась к дому. Досадно хлопнув дверью, постучал по крыше автомобиля, чтобы таксист отъезжал.

— Сбегаешь от меня, Золушка? — подошёл он к ней и приобнял, пока она рылась в сумочке в поиске ключей.

— Карета скоро превратится в тыкву, — грустно ответила

Ольга и взглянула на него. — Злая мачеха наверняка сейчас смотрит в окно и устроит мне допрос. Я дома, всё хорошо, можешь идти.

— Я так понимаю, зайти в гости не предложишь?

— Алина думает, что я ушла сегодня на встречу со школьной подругой, — Ольга смутилась и опустила глаза. — Мне с трудом удалось убедить её, что цветы на прошлой неделе подарили коллеги.

— Ты никак стыдишься меня? — удивился он.

— Прости, ещё не придумала, как сказать ей. Мои дети считают, что в таком возрасте поздно заводить романы. Для них странно видеть маму с новым мужчиной, особенно после смерти мужа.

Алексей тяжело вздохнул и отпустил её. Его снова прячут. Ничего не изменилось. Их отношения по-прежнему большой секрет. Он думал, что теперь им ничего не мешает быть вместе и можно больше не скрываться, но, видимо, не сегодня. А так хотелось оттянуть момент расставания.

Ольга словно прочитала мысли и вдруг потянула его в подъезд со словами: «Не здесь, окна во двор выходят».

Они поднялись на лестничный пролёт над третьим этажом. Ольга остановилась у грязного мусоропровода, бросила сумочку рядом на подоконник и подпёрла спиной стену.

— Ты что-то хочешь мне сказать на прощание. Не зря же проделал такой путь, — улыбнулась она.

Алексей оглядел мутное окно рядом с ней, заприметил

жжёные пятна и пепел на раме и, после её одобрителного кивка, закурил.

— Всего лишь хотел узнать, где живёшь, а то сбегаешь постоянно непонятно куда. Буду знать, где тебя найти, — за-
сиял он. — Не поверишь, но я ходил вокруг этого дома пару раз.

Ольга удивлённо вскинула бровь.

Вот как распорядилась судьба. Так близко находился, но ни разу не встретились. По правде говоря, о ней он тогда меньше всего думал, его мысли занимало другое. Вспомнил, что несколько лет назад ошивался здесь в поисках закладок, но пояснять не стал.

— Кореш жил в соседнем подъезде, — соврал он. — Если б знал, что ты здесь, то ночевал бы под окнами.

— Этого-то я всегда и боялась, — хмыкнула Ольга и посмотрела себе под ноги.

— Если честно, думал, что не придёшь сегодня. — Изменился в лице он и потушил окурок. — И вечер снова бы скрасила бутылка. Ещё в Москве пытался завязать с пьянками, но, когда вернулся сюда и случайно повстречал тебя в торговом центре, мне захотелось напиться до смерти. Я соврал тебе, когда написал, что не успел подойти. Ты стояла рядом всего в двух шагах. Не обратила внимания, наверное. А я сразу узнал по голосу, но зассал и отвернулся к другому стенду, и вы с дочкой действительно быстро ушли. Хотел догнать, но не успел. Да и что сказать не знал.

А когда понял, что просрал удобный момент, начал искать тебя везде. Счастья было полные штаны, когда ты ответила на сообщение! Мне приспичило узнать о тебе всё: где живёшь, чем теперь занимаешься, как свободное время проводишь, сколько у тебя детей, кошек, мужиков? Но самое главное, помнишь ли меня?

Думал, пообщаемся пару дней, и в итоге скажешь: «Я тебя никогда не любила, моё сердце принадлежит другому», — и всё такое. Хотелось, чтобы меня наконец постигло разочарование и отпустило, но нет. Только сильнее захотелось тебя обнять.

Ольга слушала, хлопая ресницами. Уголки её губ опустились, меж бровей залегла складка.

Уж не жалеет ли она меня?

Алексей приблизился к ней для поцелуя, но тишину в подъезде нарушил мелодичный писк открывающейся двери домофона. Кто-то из соседей возвращался домой. Ольга вздрогнула, накинула капюшон и отвернулась к окошку.

— Фу, поганцы! Опять накурили! — На лестнице показалась полная бабулька и вразвалочку стала подниматься, размахивая пакетами из супермаркета. — Молодежь, совсем обнаглели? Больше негде собираться?

— Извините, сейчас уйду, — выпалил Алексей и потянулся к форточке, чтобы проветрить. — Только с девушкой можно пять минут попрощаться?

— А это ещё кто такая? — заглянула Ольге в лицо ста-

рушка. — Оляка, ты что ли?

— Здравсьте, баба Зина, — испуганно прошептала Ольга, выглянув из-под капюшона.

— Сдурела совсем, как малолетка по подъездам шататься? Дома нет своего?

— Андрюшка спит, не могу пригласить друга в гости. Мы скоро разойдемся. Не ругайтесь, прошу.

— Не знала бы тебя, полицию вызвала. Нам тут наркоманов своих хватает, — покачала головой баба Зина и продолжила путь вверх по лестнице.

Щеки Ольги залились краской, и она прыснула в ворот пуховика. Алексею самому стало смешно и неловко одновременно. И правда, со стороны странно смотрелось, что они мнутя в подъезде, как подростки. Он подождал, пока удаляющиеся шаги бабы Зины стихнут и замок её двери щелкнет с другой стороны.

— Не смею больше задерживать, — нехотя сказал он и притянул её к себе.

Ольга обвила руками его шею. Её одежда мешала почувствовать тепло тела. Синтепон пружинил и не давал ладоням прощупать талию. Он прислонился к её лицу носом и замер, раздумывая, уместен ли будет поцелуй, по которому он безумно соскучился.

Она сама нежно коснулась его губ, как когда-то давно на речке. Внезапное дежавю затмило годы расставания. Он опять шестнадцатилетний мальчишка, который целует свою

вожатую в первый раз. Это по-прежнему их секрет, о котором он никому никогда не расскажет. Пусть так, но теперь она рядом, и он ни за что её больше не отпустит.

— Я довела тебя до дрожи? — прервала поцелуй Ольга и кокетливо улыбнулась.

В кармане джинсов вибрировал телефон. Он скосил глаза вниз, чтобы посмотреть, кому вздумалось тревожить его в девятом часу.

— Не знаю таких.

Он скинул звонок от неизвестного номера и прильнул опять к Ольге. Телефон настойчиво снова бзыкнул в руке, а Алексей нажал кнопку блокировки, не отвлекаясь от поцелуя. На третий звонок он раздражённо отлип от Ольги и уставился на экран. Она тоже досадно взглянула на цифры.

— Ответь, может, срочно.

— Да кому я сдался в это время?! Опять кредиты втюхивать будут или опросы, — свайпнул он зелёную кнопку ответа. — Алло!

— Привет, братец! Ты, видимо, слишком занят своими криминальными делами. Извини, что помешала ширяться, просто считаю нужным тебе сообщить.

— Марина? — нахмурился он.

Ольга подалась вперёд и наклонила ухо ближе к телефону.

— Папы больше нет. Завтра похороны в вашем крематории. Если соизволишь прийти, будь добр, в адеквате. Не позорь семью!

Кузина сбросила звонок. Алексей застыл с телефоном возле уха.

— Что случилось? Это твоя сестра? Вы общаетесь? Как у неё дела? — затараторила Ольга.

Он прервал поток вопросов взмахом ладони и схватился пальцами за переносицу, пытаясь переварить информацию. Ольга обеспокоенно погладила его по щеке.

— Дядя Игорь умер. Зовут на похороны. Похоже, она приехала из Питера. А я с ней не виделся тринадцать лет, — вздохнул он и взглянул на растерянную Ольгу.

Она же ничего не знает. Долго сейчас объяснять, да и как всегда не вовремя.

— О-о, это тот заботливый дяденька, который приезжал к вам в лагерь на родительский день? Он же как отец вам обоим. Помню, он тогда помог тебе с мамой. Как жаль, — опустила глаза Ольга. — И по Маришке я тоже соскучилась.

— Я потом тебе всё расскажу. Извини за сегодняшний вечер, как-то через одно место получилось.

— Да всё хорошо было, не расстраивайся! Но мне тоже пора. Ты держись, ладно?

Ольга крепко обняла на прощание, договорилась с ним созвониться завтра утром, взяла сумочку и двинулась вверх по лестнице. На середине обернулась, помахала ему, и они обменялись улыбками. «Пока» — прочитал он по её губам. А затем она скрылась на площадке четвертого этажа, и послышался щелчок в замочной скважине. Убедившись, что она

закрыла за собой дверь, он бегом спустился вниз и на лету
вызвал такси.

Глава 2. Я не вор!

Алексей полночи не спал. Пытался написать сообщение Ольге и объяснить как можно мягче, почему они с кузиной много лет не общаются. Набирал и тут же стирал, понимая, что это шокирующая история. А ведь он только-только наладил с ней контакт. В итоге решил, что расскажет при встрече, хотя до последнего сомневался в необходимости посвятить Ольгу в свое криминальное прошлое. К тому же, она наверняка видела десятый сон, и тревожить не хотелось. Вдруг ей снится берёза за лагерем?

Он улыбнулся своим мыслям, отложил телефон и лег на подушку, пялясь в темноту. Зачесался нос. Не веря в приметы, на всякий случай несколько раз щёлкнул двумя пальцами по ноздрям. Скорее всего, причина зуда была в пыльном постельном белье, которое давно пора поменять, а не в предстоящей нервотрёпке.

Утром он проснулся разбитым. Завтрак не лез в горло. Выпил крепкий кофе. Уточнил у Марины время прощания и записал её номер. Ольга позвонила около десяти и поинтересовалась, собирается ли он на похороны. Немного помолчав, он ответил, что не может пропустить, хотя боится встречи с кузиной и родственниками. Ольга успокоила, что любые распри сегодня забудутся, главное — взять себя в руки. Он подумывал позвать её с собой для поддержки, но тут же от-

мел эту идею.

Появление Ольги в кругу семьи вызвало бы недоумение. Пришлось бы всех знакомить с ней и объяснять со времен царя Гороха, кто такая. Алексей представил рожи родственников, если бы он сказал: «Эта женщина лишила меня девственности в шестнадцать, поэтому я её теперь люблю». Со статусом отношений они тоже еще сами не определились. Глупо будет, если он назовет её своей невестой, а Ольга вытянет лицо. Ко всему прочему, она сама вчера обмолвилась, что соскучилась по Марине. Вдруг ей приспичит лезть к кухне с ностальгическими обнимашками? Вряд ли Марина обрадуется им на похоронах. Да и к тому же, сестрица давно её недолюбливает и всегда была против их романа.

Он вспомнил, как после лагеря осенью две тысячи седьмого предложил сестре встретиться и обо всем рассказал. Они сидели на пожухлой сырой траве в парке. Он по привычке откупорил пиво и, глотая слезы, поведал, как Ольга его бросила, плюнув в лицо: «Я тебя не люблю!». А потом поделился с кузиной страшным чувством пустоты внутри, из-за которого у него отсутствовало желание жить. Марина отругала, как мамаша: «Не будь тряпкой! Она тебя использовала, а ты лох, каких поискать. Неужели думал, что у вас есть будущее? Ольга Владимировна помолвлена, сопляк вроде тебя ей изначально был не нужен». Но при этом сочувственно обняла. Родня как-никак. Вспоминая тогда, как Ольга его целовала, он отказывался верить, что они говорили об одном и том же

человеке.

Казалось, что никто не пытался его понять, и даже кузина не воспринимала всерьез. Все будто сговорились и хотели настроить его против Ольги. В их глазах она была стервой и последней сукой. Однако друзья незримо поддерживали на протяжении многих лет, а он этого не понимал и не заметил, как стал пользоваться их сочувствием. Частые пьянки невольно заставляли его совершать плохие поступки по отношению к близким, и поэтому он потерял всех.

С ужасом представляя, что скажет сегодня Марине в такой тяжёлый день, он выбрал черную рубаху и темные джинсы и, пока одевался, рассматривал семейную фотографию на комод, с которой улыбались ему ныне покойные родители и дядя с тетей.

После того, как Марина вышла замуж и переехала в Питер, Алексей иногда заезжал к Игорю. Дядя простил ему семейный скандал и всегда был рад видеть. Подкармливал, давал денег, пытался помочь с поиском работы, а однажды познакомил с племянницами, когда они приехали на лето.

Алексей подружился с девочками. С удовольствием погулял с ними в парке, сводил на колесо обозрения и в цирк. Накупил им на последние деньги игрушек и мороженого, таскал на плечах и обещал подарить собаку. С ними он забыл на целый день, что его жизнь незаметно катится под откос.

Они звали его в гости в Санкт-Петербург. Искренне не понимали, почему маме нельзя рассказывать, что они виде-

лись с дядей Лёшей, и очень грустили перед отъездом. Он не мог объяснить, почему взрослые поругались, и придумал нелепую отговорку, но пообещал, что они обязательно увидятся следующим летом.

Через год девочки не приехали к деду, улетели с родителями на море. А он переехал в Москву с твердым решением устроиться на хорошую работу, бросить пить и начать с нуля. Прошло пять с половиной лет. С тех пор не удалось свидеться. Его идеальная трезвая жизнь так и повисла в планах, столица его не приняла, и он вернулся в родную провинцию. Этим летом занялся ремонтом в своей квартире, а к Игорю так и ни разу не зашел. Даже не поинтересовался, гостили ли у него племянницы в этом году.

Алексей сильно по ним соскучился. Когда их видел, старшей было семь, а младшей — четыре. Наверное, они уже не помнят его.

В четыре часа дня он приехал к крематорию. У входа на улице собралась семья, друзья и коллеги умершего. Издали он узнал дальнюю родственницу с севера, Марину, и её мужа. Девочек не было.

— Соболезную, — подошёл Алексей к кухне.

Марина подняла заплаканное лицо и скривила губы наподобие улыбки. Она изменилась. К тридцати шести годам её фигура раздалась вширь, под короткой курткой пятьдесят шестого размера грудь опустилась на объемный живот.

Пальцы, которыми она сжимала носовой платок, напоминали пухлые сосиски. На лбу прорезалось несколько глубоких складок. Ни капли макияжа. Растрёпанный каре-боб с мелированием давно заменил длинные тёмные распущенные волосы и старил её. На фотографиях в соцсетях она выглядела значительно лучше за счёт фильтров.

Её супруг подошёл к ним и протянул ладонь Алексею для рукопожатия. Он видел его на свадьбе, но запомнил, как выглядит. Кирилл старше кузины на десять лет. Его голову полностью покрывала седина, а худощавое лицо исчертили морщины. Он больше походил на друга дяди Игоря, чем на отца племяншек. Разница в возрасте не помешала им создать крепкую семью, и вот уже на протяжении четырнадцати лет они живут душа в душу.

— Пришёл всё-таки, — шмыгнула носом Марина и оглядела презрительно с ног до головы.

— Игорь мне тоже был дорог, — ответил Алексей. — Где девочки?

— В Питере с бабушкой. Незачем им это видеть. А тебе как будто не все равно, — огрызнулась она и жестом пригласила всех собравшихся пройти в траурный зал.

Панихида проходила в темном помещении. Хрустальная люстра под потолком едва освещала зал. Лакированный паркет скрипел под ногами собравшихся. Люди теснились вдоль узкого прохода между стеной и гробом и обступали умершего. Дядя Игорь лежал по центру в обрамлении бархата и вен-

ков. Танатопрактик переборщил с гримом, замаскировав его до неузнаваемости. Белый ворот рубашки, в которую облачили тело, небрежно испачкан косметикой.

Женщины плакали и наклонялись поцеловать в лоб усопшего, клали в гроб цветы. Мужчины сдержанно похлопывали по его кистям, сложенным на груди. Когда очередь дошла до Алексея, он подошёл ближе к покойнику, взглянул напоследок на умиротворённое лицо дядюшки и молча положил гвоздики. Последней из желающих проститься подошла Марина, накрыла отца руками и, прислонившись к нему лбом, завывала. Со всех сторон подхватили её плач женщины, угнетённые печальной картиной. Алексей не мог больше выносить запаха формалина и завываний, поэтому тихонько пробрался на улицу, не дожидаясь, когда тело унесут в печь.

На свежем воздухе он присел на скамью возле входа. Скурил полпачки, пока вспоминал добрым словом ушедшего в мир иной дядю и представлял, как он с матерью встретится на небесах. Они тоже когда-то враждовали, но незадолго до смерти мамы помирились. Отчасти Алексей стал соединительным звеном, когда в шестнадцать пугал своими выкрутасами. Наверное, оба хотели бы, чтобы дети не повторяли их ошибок. Братья и сестры всегда должны держаться друг за друга, что бы ни случилось.

Вскоре участники панихиды начали поочередно выходить на улицу. Марина осталась в комнате для наблюдения за кремацией.

И как только у неё сил хватает на это?

Кирилл подсел к нему.

— Ты не обижайся на Пупсика, — так он ласково называл кузину. — Третий день не спит, не ест. Не представляет, что девочкам скажет.

— Как узнали?

— Она не могла дозвониться. Перепугалась, сорвалась с работы и на ближайшем рейсовом примчалась. А вечером в слезах позвонила мне. Я еле успокоил. Самому не верилось. Свекр буквально недавно по видеосвязи общался со старшей дочерью. Здоров, улыбался. Вскрытие показало, что на тех выходных умер. Наверное, время пришло.

Алексей молча закивал головой. Выходные. Он валялся в невминозе. Когда очнулся, то заметил пропущенные от Ольги, а паре звонков от дядюшки не придавал значения. Старик чувствовал приближение кончины и хотел повидаться.

— Молодец, что пришел, — похлопал его по спине Кирилл. — Горе сближает. Возможно, сейчас не самый подходящий момент поговорить с Мариной, но она всё время о тебе вспоминает. Поехали с нами на поминки? Соседка Галина Федоровна стол накрыла.

Половина пришедших на похороны извинились и разъехались по своим делам после церемонии прощания, остальных пригласили на поминки. Марина прижимала к себе урну с прахом и шла за Кириллом в подъезд. За ними выстро-

илась процессия голодных ртов, готовых скорее наполнить желудки, чем проводить близкого. Алексею неудобно было отказывать, поэтому он тоже проследовал за всеми.

Галина Федоровна ждала в квартире дяди Игоря и подгоняла всех на лестничной площадке к столу. Она припасла для каждого гостя тапочки, настоятельно просила не топтаться в уличной обуви и проявить уважение к дому покойного. Алексей брезгливо посмотрел на старушечьи валенки с дырочкой, которые ему достались, и, скинув ботинки, прошел в гостиную в носках.

В комнате стоял накрытый стол-книжка. Вокруг расставлены разношёрстные стулья, собранные по соседям. На скатерти ломились от яств тарелки, блестел новенький хрусталь, который никто не доставал со времен перестройки. В центре фотография в черной рамке, поминальная свеча и рядом стопка с водкой, прикрытая хлебом.

Гости уселись и принялись раскладывать салаты. Кирилл посчитал количество людей за столом, составил в ряд стопки и откупорил бутылку. Алексей помотал головой, чтобы ему не наливали.

Марина задержалась у книжного шкафа, чтобы поставить урну, расставила рядом иконки и постояла некоторое время возле, отвернувшись ко всем спиной. По её подрагивающим плечам было заметно, что она беззвучно плакала. Наконец успокоившись, кузина села за стол, взяла наполненную стопку и уставилась в пустую тарелку.

Галина Федоровна первой вызвалась говорить. Алексей впервые в жизни видел эту женщину, но понял, что она знала Игоря чуть ли не как родного. Соседка весело вспоминала «импозантного мужчину» и неуместно шутила, что если бы не его покойная супруга, то она бы давно заарканила его в свои сети. Кто-то тут же вспомнил свадьбу дяди и тети. Дальняя родственница, имени которой Алексей не помнил, начала хвастать финансовой помощью в девяностые, когда Маринку надо было чем-то кормить, а её родители едва сводили концы с концами и делили одну сосиску на троих. Потом к речам присоединились бывшие коллеги и отмечали усердие и труд покойного.

Постепенно поминки превратились в пьянку. Гости обсуждали детей, налоги, квитанции, цены в магазинах, войну на западе. Про главную скорбящую вечера напрочь забыли. Марина молча опрокидывала в себя огненную, который подливал Кирилл, и ковыряла колбасу в тарелке. А потом, не в силах больше слушать бессмысленный трёп, схватила бутылку сама, налила стопку до краев и подняла.

— За папу! — привлекла она внимание и зыркнула на Алексея. — Выпьешь со мной, братик?!

— Пупсик, не надо. Ему за руль, — наклонился к ней и прошептал Кирилл.

Кузина сделала вид, что не слышала, и сверлила взглядом. Лицо перекосилось от презрения, ноздри раздувались. Алексей медленно потянулся к стакану с минеральной водой.

— Настолько насрать, что не ешь и не пьешь с общего стола? Или стыдно нас объедать? А может, наша компания тебе не по душе, а?! — повысила она голос. — С твоими друзьями веселее?!

Все разом смолкли и уставились на них.

— Давай не сейчас, — процедил сквозь зубы он.

— Да как ты смеешь появляться в этом доме после того, что сделал?! — её слова эхом прозвенели в хрустале.

Дальняя родственница замерла с протянутым в руке салатником над столом. Кирилл коснулся плеча Марины, пытаясь успокоить, но она со злостью отпихнула его локтем и пролила часть водки на скатерть.

— Вы моя семья. Игорь был мне как отец, — сдержанно ответил Алексей.

— Какое отношение ты имеешь к нашей семье?!

— Мне жаль, Марин.

— Тебе жаль? — её глаза округлились, и она ткнула пальцем в фотографию. — А о нем подумал?!

— Я навещал его. Не меньше тебя беспокоился.

— Да за его пенсией ты сюда таскался!

— Нет! Вообще-то с девочками помогал, пока ты отдыхала! — хлопнул он по столу и разозлил её тем самым ещё сильнее.

— Один раз не в счёт. Хоть помнишь, как их зовут, мразь? — зашипела она и покраснелась.

— Софья и Лиза. У тебя прекрасные дочери, — стиснул

кулаки Алексей. — Это твои проблемы, что до сих не простила. Он бы мне доверил их жизнь.

— Не вздумай больше приближаться к моим детям! — вскочила она и плеснула ему водкой в лицо.

Проморгавшись, он стянул со стола хлопчатобумажную салфетку, вытерся и швырнул её обратно. Гости вертели головы с одного на другую. Галина Федоровна подскочила и растопырила руки по сторонам.

— Грешно ругаться на поминках, дети! Перестаньте!

Марина будто не слышала её, опрокинула свой стул и направилась к нему. Алексей поднялся с места и попятился назад, стукнувшись спиной о книжный шкаф. Урна опасно закачалась над макушкой, и он придержал её рукой.

— Я всё верну до копейки. Прости меня.

— Мне от тебя ничего не нужно! Это были его деньги! — трясла она в истерике пальцем перед его носом. — Тебе здесь не рады! Вали отсюда!

Гости молча переглядывались, не понимая, в чём дело. Галина Фёдоровна плюхнулась обратно и закачала головой из стороны в сторону. Скорее всего, она, как и присутствующие, кроме Марины и Кирилла, не знала о его зависимости и к чему это привело.

Алексей обошел кухню вдоль шкафа, не сводя с неё глаз, и вернулся к своему месту. Опёрся ладонями о стол, опустил голову и шумно втянул носом воздух.

— Я не вор!

Схватил наполненную стопку, к которой не притрагивался весь вечер, опрокинул в горло содержимое и, поморщившись, ткнул ею в скатерть с громким стуком. Затем развернулся в коридор, обулся, сорвал с вешалки куртку и вышел из квартиры, хлопнув дверью.

Оставшийся вечер Алексей провел в машине возле своего дома. Ольга несколько раз звонила, но он не брал трубку. В его голове всплывали картины тринадцатилетней давности: мертвый кот Тишка, развороченная квартира Игоря, суд. Он вспоминал слова, которые сказал тогда в свое оправдание, и думал, что бы сказал сейчас. Если бы можно было всё исправить, то он ни за что бы не пошел в тот день в квартиру дяди, лучше бы попросил Галину Федоровну.

От сожаления, что время не повернуть вспять, заливал в себя алкоголь. Ему хотелось теплых объятий и утешительных слов, что он не виноват. Но дома этого не почувствует и не услышит, там только пустая постель и одиночество.

Разве можно назвать домом то место, где тебя никто не ждёт? Последние члены семьи и те отвернулись. К кому ехать? Куда податься?

Когда алкоголь закончился, он повернул ключи в замке зажигания. В свете фар замельтешили белые мухи, из-под капота клубами повалил пар. Он вырулил со двора на широкую улицу. Фонари проплывали по бокам, ослепляя его короткими вспышками. Снег летел навстречу и резко взмывал

ввысь, скользя по лобовому стеклу. Впереди пустынная ночная дорога. Нет ни машин, ни припозднившихся пешеходов. Цветные огни магазинов впустую тратили электроэнергию. Будто люди в спешке покинули город, и он остался совсем один.

Он знал, где может попытаться найти утешения. Воспроизвёл в памяти маршрут, каким добирался туда вчера на такси. Перекрёсток, старый светофор, поворот на ту улицу. Тёмный двор, вроде те же пустые клумбы и детский сад напротив. Визг колёс. Удар. Боль в виске. Темнота.

Туго соображая, он откликнулся на свое имя, но не разобрал, кто это. В лицо светили телефоном. Почувствовал, как вертят его голову, придерживая за подбородок, а затем вытащили за подмышки из машины, повели к дому и подняли по лестнице. Рядом плакала женщина. Её всхлипывания не тревожили, наоборот. Голос был знакомый и родной, тёплый, как из далекого прошлого.

Пытаясь встать ровно и пойти самостоятельно, он отпихивал незнакомца, тащившего его волоком по лестничным пролетам, но тут же падал и сучил по бетону ватными ногами. Заевшая пластинка мямлила из его рта: «Я не вор!!! Я не вор! Я не вор...»

Глава 3. Второй шанс

«Выди любимаяч, я внизлу»

Ольга прочла сообщение и подскочила к окну. Отражение кухонных фасадов на стекле мешало разглядеть темный двор, в котором пять минут назад раздался ужасный грохот, разбудивший соседских собак, и заставивший истошно вопить сигнализации машин на всю улицу.

Господи! Неужели это ты там шумел, Лёша?!

Она набрала его номер, в трубке зазвучали длинные гудки, он не отвечал. После второй попытки до него дозвониться, быстрым шагом направилась в прихожую и накинула пуховик поверх халата. Из маленькой комнаты высунул голову сонный зять.

— Куда это вы, Ольга Владимировна, собрались на ночь глядя?

— Коль, всё нормально, я быстро. Надо кое-что проверить.

— Не выходите сейчас на улицу. Какой-то обрыган умудрился снести забор садика и загородил тачкой проход у подъезда.

Ольга застыла у двери с ключами в руках. Сердце колотилось в груди.

Только бы не Лёша!

— Ты уверен?

— Да, только что окошко закрывал и видел. Разбудил нас, сволочь.

— Ложитесь, а я пойду посмотрю.

— Зачем? Ментов вызвать, и делов-то.

— Мне друг написал... Надеюсь, что это не мой «обрыган» там.

— Пойти с вами? — насторожился Коля.

— Не надо, справлюсь. Иди спать. Тебе завтра на вахту,
— дернула за ручку она и вышла в подъезд.

Ольга засемила вниз по лестнице, представляя худшее. Лёша не отзывался весь вечер, и сейчас пришло пьяное сообщение. Из-за чего он опять напился? Вчера обмолвился, что не виделся с кузиной тринадцать лет. Что-то произошло на похоронах.

Палец быстро оказался на кнопке домофона, парадная железная дверь распахнулась со скрипом, и лицо обдало холодом. Ольга выскочила из подъезда и затормозила возле скамейки, скользя тапочками по снегу. Глаза расширились от ужаса. Перед ней стояла знакомая черная иномарка, «припарковавшаяся» во дворе перпендикулярно дороге задним бампером ко входу. Стоп-сигналы отбрасывали две красных дорожки на мокрый снег, наваливший за вечер по щиколотку, а глушитель клокотал, пуская в неё вонючие бензиновые клубы газа. Раскуроченная морда вогнула металлическую сетку забора детского сада напротив. Осколки фары валялись рядом.

Она обогнула машину вдоль припорошенного снегом газона, утопая голыми пятками в сугробах, и подошла с водительской стороны. За тонированным стеклом разглядела, как Лёша обмяк на руле, и ахнула.

Ручка заела и щёлкнула лишь с третьей попытки. Распахнув дверь, Ольга залезла головой в салон и приподняла его за шиворот. Он был в сознании, но ничего не соображал. Воротник куртки и пол-лица в крови, над бровью месиво.

— Леша! Живой?! Где болит?! Слышишь меня?! — трясла она его. — Скажи хоть что-нибудь!

В ответ он промычал и уставился стеклянными глазами. От него разило так, что позавидовал бы вино-водочный завод.

— Ольга Владимировна, вы знаете его?

Она обернулась на голос зятя, подоспевшего следом, и поняла, что по её лицу градом катятся слёзы.

— Коля, помоги! Прошу! Ему срочно нужна помощь!

— Может вызвать скорую? — почесал голову он, взглянув на помятый капот. — И ДПС. А там сами разберутся.

— Нет! Не вздумай! Лучше помоги его вытащить, — взмолилась Ольга. — Я потом всё объясню.

— Да чего тут объяснять? Видно же, что он не просто бухой. Зрачки из орбит лезут.

Ольга испуганно схватила Лёшу за подбородок, направила подсветку телефона ему в лицо и стала разглядывать глаза. От яркого света зрачки чуть похудели в окружности, но

действительно как будто намного шире обычного. Два черных круга, обрамлённые тонким, едва различимым карим кольцом радужки, отражали экран и мутно смотрели на неё.

— Что это может быть? Паленка какая-то, что ли?

— Наркотики, — ответил зять.

Ольга хватанула воздух ртом.

— Не могу утверждать, но похоже на ту дрянь, на которую сейчас подсаживают малолеток.

— Ты-то откуда знаешь? — не поверила Ольга и отпустила Лёшу. Его голова упала на грудь, как болванчик.

Коля вздохнул, но не стал объяснять. Ольга и сама догадалась: у него полно знакомых похуже, которых она не хотела бы знать. Соседский парень, который вечно торчит на лавочке, приятели со стройки. В их районе такого добра хватает. Она не хотела в это верить, но, если Коля говорит, значит, есть от чего отталкиваться.

— Бред какой! — выпалила она, отгоняя страшную мысль. — Не совсем же он отбитый. Не стой просто так, помоги поднять, пока соседи не сбежались на шум.

Коля без труда выдернул пьяное тело с места и приставил к пассажирской двери, а сам полез внутрь за ключами и заглушил двигатель. Лёша буркнул: «Я не вор» и стал оседать на землю. Ольга подхватила его, пытаясь удержать, но он все равно сполз на пятую точку в снег, обтерев спиной грязные пороги машины.

— Ну и друзья у вас, мама, — прокомментировал с на-

жимом на последнее слово Коля и захлопнул водительскую дверь, игнорируя заевшую пластинку: «Я не вор», а затем помог Ольге поднять за подмышки ватное тело. — Да-да! Мы знаем! Подымай свою тушу, помоги хоть немного. Шевели ногами!

Ольга всхлипнула, но ничего не ответила.

Потом объясню. Или не объясню. Сейчас главное — за- тащить, уложить, чтобы не замерз насмерть.

Полчаса тяжелого подъёма по лестнице, отборного мата от зятя и её слёз, затем ещё десять минут возни в квартире, и вот наконец-то Коля закидывает ноги Лёши на постель. Бормочет что-то про «сумасшедшую тёщу и её дружков» и уходит в спальню к Алине и внуку.

Ольга осталась одна рядом с пьяным телом, которое когда-то было юным мальчишкой со страниц её дневника. Бледный, грязный, побитый, еле слышно сопит, но лицо напряжённое — даже во сне не отпускает.

— Какой же ты дурак, — прошептала она.

Встала, выключила свет и направилась в кухню. Достала из ящика пожелтевший ежедневник. Открыла не глядя, пальцы сами нашли нужную страницу.

«23 августа 2007

...сегодня он меня поцеловал. Привёл на речку, долго готовился, нервничал. Я растерялась и отишла...

Мне было так жаль бедного парнишку. И после этого он пропал. Сбежал. Пять часов его нет. Надеюсь, не сделал

глупость. Я буду виновата. Я себе не прощу.»

Ольга закрыла дневник. Посидела, глядя в тёмное окно. За стеклом медленно падал снег, уличный фонарь отбрасывал желтые блики на подоконник. Она не заметила, как стрелки часов перевалили за полночь.

Алексей открыл глаза и спросонья огляделся. Он лежал накрытый одеялом на двухспальной кровати в просторной светлой комнате. Тюль с цветочками мягко рассеивала дневной свет. Возле окна стояло трюмо с косметическими баночками, а рядом на стуле висели его грязные джинсы и аккуратно сложенный джемпер. До него внезапно дошло, что его раздели до трусов.

Он оторвал от подушки тяжёлую голову, приподнялся на локте и склонил лицо над прикроватной тумбочкой, на которой для него заботливо оставили аспирин и воду. Мысленно поблагодарив спасителя за лекарство, проглотил таблетку и осушил стакан. А потом заметил белый таз на полу, от которого разлило рвотными массами. Зажав пальцами нос, откинулся обратно на постель, чтобы не видеть следы своих ночных извержений, уставился в потолок и прислушался к звукам.

За стенкой громко работал телевизор, кто-то шуршал в коридоре и неразборчиво переговаривался. Затем послышался детский возглас: «Пока, бабушка!». Хлопнула входная дверь, шаги и возня стихли. Войнаственные речи Муфа-

сыл¹ переключили на монотонную бубнёжку новостного диктора. У входа в комнату скрипнула половица.

Он повернул голову и увидел в дверном проёме Ольгу в домашнем халате, с пучком на голове, с кружкой чая и тарелкой с бутербродами. Она толкнула бедром за собой дверь, прошла в спальню, поставила завтрак на тумбочку, отодвинула подальше таз и присела на край кровати.

— Очнулся, дрифтер? — погладила она его поверх одеяла. — Как себя чувствуешь?

— Будто меня избивали всю ночь.

Он сел на постели, провел рукой по лицу и обнаружил на себе пластырь. Над бровью кольнуло. Ольга не позволила трогать.

— Головой ударился. Не страшно, царапина.

— Как я здесь оказался? Помню только, что ехал к тебе.

— Ты написал мне в одиннадцать, чтобы спустилась. А перед этим слышала во дворе ужасный грохот. Ещё подумала, что за ненормальный шумит поздно вечером, — вздохнула она.

— Тачка в хлам? — разочарованно спросил он.

Ольга поджала губы и тихонько закивала. Он цыкнул и запрокинул голову.

— Радуйся, что жив. В рубашке родился, не иначе. На ногах не стоял. Мы еле тебя дотащили.

— Мы? — напрягся он.

¹ Персонаж мультфильма «Король Лев».

— Коля помог занести и уложить. Ты всю ночь брыкался.

Какой кошмар! Её зять видел меня в таком состоянии, а я даже не помню его лица. Неудачное знакомство вышло. Что обо мне теперь подумают её домочадцы?

— Я тебе заблевал тут всё, прости. — Ему стало стыдно. Он заметил у неё темные круги под глазами. — Не спала?

— Подремала чуть-чуть. — устало ответила Ольга. — Где умудрился опять? На поминках?

— Нет, меня оттуда выгнали, — опустил он голову.

— Что произошло? Ты бормотал про вора. Поговори со мной, — взмолилась она и взяла его ладони.

Ольга подскочит в страхе, когда услышит эту историю. Но если хочешь быть с ней, то нужно откровенно. Хотя бы в благодарность за то, что она выходила этой ночью. Он глубоко вздохнул, собираясь с силами.

— Тринадцать лет назад их обокрали, поэтому теперь мне не рады в том доме. Марина ненавидит меня.

— Ты это сделал? — ужаснулась Ольга.

— Нет, но из-за меня, — высвободил он ладони из её рук и провел ими по лицу. — Они уехали в свадебное путешествие, а Игорь тем летом жил на даче. В квартире остался кот. Мне поручили его кормить. Я поганый человек, Оль...

Он взглянул на неё. Она сочувственно кивнула и просила продолжать.

— Я встретился с корешем и выпил. Потом нам захотелось ещё, а у меня не хватало денег. Вспомнил про кота и

предложил зайти в квартиру дяди. Я взял совсем немного взаймы из пенсионных, честное слово. Всё бы вернул до их приезда, — шмыгнул носом он. — Пока на кухне наполнял миску коту, Кабан успел осмотреться. Тишка ещё так подозрительно на него зашипел и вцепился в ногу. А потом мы ушли бухать к нему. Я нажрался как свинья и уснул, а его дружки стащили у меня ключи.

Алексей прервался и понял, что плачет. Ольга внимательно слушала и гладила его по плечу.

— Они вынесли всё: деньги, технику, драгоценности, медали деда за отвагу. Даже продукты из холодильника прихватили. Но самое мерзкое — Тишку... — Он хватанул воздухом, силясь продолжить. — Кота жалко. Уроды! Это был её любимец.

Ольга ахнула и сочувственно притянула к себе. Он заплакал навзрыд, уткнувшись носом в её шею.

— Ты не виноват, — пыталась она его успокоить, поглаживая по спине.

— На меня хотели повесить кражу по предварительномуговору, — выдохнул он ей в плечо. — Марина так кричала на суде, что чуть не родила раньше срока. А Игорь, наоборот, выступал в защиту. До сих пор не понимаю, почему он не засадил меня.

— Потому что ты хороший человек и неспособен никому причинить зла. Просто оказался не в то время и не в том месте.

Он отстранился и вытер слезы. Ольга смотрела с жалостью и пониманием. Сколько же в её глазах веры. Так же смотрел и Игорь. Может, он правда не преступник?

— Их нашли? — поинтересовалась она.

— Один до сих пор сидит. Ему впаяли дополнительно за хранение. Другого убили в тюрьме. Кабан недавно вышел, но продолжает торговать. Вот такие у меня друзья! — фыркнул он и отвернул лицо, не заметив, как напряглась Ольга. — Я мог оказаться на их месте.

— Но ведь не оказался. Всё позади.

— Да я их сдал, понимаешь? В лучшем случае меня грохнут где-нибудь в подворотне. И мне никогда не заслужить прощения Марины. Я устал, Оля. Не могу бросить. Из-за этого случается одно за другим.

— Ты сделал всё правильно, выдохни. Суд остался на твоей стороне. И теперь осознаёшь, к чему ведёт пьянство, и делаешь шаги, чтобы вылечиться. Я помогу как смогу, только если сам этого не захочешь, то никто тебе не поможет, пойми! Почему не позвонил вчера?

— Боялся, что не поймёшь, — прошептал он и сглотнул.

— Ну правильно, лучше снова напиться? Дурак, — погладила она его по щеке. — Как завтра на комиссию явишься? Об этом, конечно же, не подумал? Давай, выхаживайся. Не гоню, но смотри не засиживайся. Мои гулять ушли на пару часов, пока можешь полежать.

Ольга чмокнула его в губы, придвинула тарелку с бутер-

брдами, поднялась с постели, взяла таз и вышла из комнаты.

Завтрак не лез в горло, но она права, завтра нужно быть огурцом, и придется прибегнуть к старым способам, чтобы обмануть тест. Последний раз. Иначе реабилитация пойдет насмарку.

Ольга вышла проводить Алексея на улицу. Промокшая со вчера куртка и джинсы не успели высохнуть, и его пробил озноб. Трясаясь больше от отходняка, чем от холода, он оглядел вогнутый забор и по взгляду Ольги понял, что именно сюда ночью врзался. С её слов, зять отогнал машину за угол дома и замотал чёрной плёнкой и скотчем, но даже через маскировку было видно снесённый бампер, выбитую фару, погнутый капот и смятое крыло. Оценив ущерб, выругался на весь двор.

— Лёша, это всего лишь машина. Главное, что жив остался, — обняла Ольга сзади.

— Всего лишь рабочая тачка, за которую меня уволят на хрен! — стукнул он со злостью по капоту, который жалобно хрустнул под его кулаком.

— Неужели нельзя договориться? Ты же сам можешь починить у вас в цеху.

— А где я столько денег возьму? Тут не один десяток тысяч. Фара только пятнашку стоит. Кузовщина на полтинник, покраска. Мне с такими темпами до пенсии бесплатно работать.

Ольга отстранилась от него, пригладила отклеившуюся пленку, задумчиво разглядывая повреждения, и неожиданно предложила:

— Могу помочь. Мы участок моих родителей в деревне продали. Откладывала на последний учебный год Алинке. Её с бюджета сняли, а доучиться надо. Жалко времени потраченного, но ничего страшного, справимся. Тебе нужнее. Не миллионы, конечно, но, думаю, хватит.

— С ума сошла? — уставился он на неё. — Я не возьму у тебя деньги!

— Согласись, это лучше, чем если бы вчера кто-нибудь вызвал гайцов! — повысила голос она. — Ты просто не видел себя со стороны. Двух слов связать не мог, и глаза как два блюдца. Сейчас сидел бы в отделении без прав!

Он опёрся ладонями на капот и задумался. Ольга действительно выручила. Как ангел-хранитель уберегла от последствий и выходила. Меньшее, что он может сделать, это перестать кочевряжиться и принять помощь. Только вот зачем ей это надо?

— Оль, у тебя дети. Я не хочу забирать ваши единственные сбережения.

— Ну и что? Алина сама подрабатывает на свои хотелки. Коля на месяц уехал, привезет к Новому году хорошую получку. У Андрюши столько игрушек, хоть перебирай и неси в фонд малоимущих. А мне ничего не нужно. В долг даю. Отдашь под расписку. Будешь мне до пенсии должен, — на-

мекнула с улыбкой она.

— Зачем я тебе такой? — приобнял он её. — Без тачки, без денег и постоянно в говно?

— Хочу дать второй шанс.

Он прижал её к себе, стиснул и шумно выдохнул в пушистые кудряшки.

— Люблю тебя, Олька. Другой такой женщины мне век не сыскать. Спасибо, — прошептал он, закрыв глаза.

За спиной послышался хруст снега под ногами приближающихся прохожих. Он обернулся и увидел девушку с ребенком, которых встретил осенью с Ольгой в торговом центре. Её дочь, одетая по последнему слову моды, вела за руку мальчика в темно-синей курточке и пристально разглядывала Алексея. Он отстранился от Ольги, стесняясь проявления ласк в присутствии её детей.

Алина подошла ближе, отпустила мальчонку, который тут же опустился на корточки и принялся копать снег жёлтой лопаткой. Она оглядела Алексея с головы до пят. Во взгляде читалось осуждение.

Первое впечатление он произвел не самое хорошее, завалившись вчера пьяным к ним домой, и, очевидно, она тоже не спала и всё видела. Надо попытаться выдержать планку хотя бы сейчас, но отходяняк не вовремя напомнил о себе. Кисти затряслись, он сложил руки в карманы и стыдливо отвёл взгляд.

— Мам, ты скоро? Мне надо готовить курсовую по фило-

софии, с Андреем надо посидеть, — недовольно обратилась она к Ольге.

— Да, зайчик, сейчас поднимусь. Идите пока обедайте, — отозвалась Ольга.

Алина цокнула языком, бросив напоследок на Алексея осуждающий взгляд, и потянула мелкого домой. Мальчонка обернулся через плечо и тихонько спросил у неё: «А кто этот дядя рядом с бабушкой?» Алексей не расслышал, что она ему ответила, но по интонации понял, что его представили не в лучшем свете.

— Извини, доставил хлопот, — повернулся он к Ольге.

— Ничего, — вздохнула она и проводила детей глазами. — Мы с ней поговорили утром. Она не против, чтобы я с кем-нибудь встречалась. Правда, отчитала, как школьницу. Ну да ладно. Нет смысла скрывать, кем ты мне приходишься.

— И как же меня представила? — выгнул бровь он, опасаясь, что такой кавалер для матери семейства — сомнительная пара.

— Пока только другом, но она взрослая и прекрасно понимает, что мы с тобой спим.

Спим — громко сказано, хотя он не отказался бы и от таких элементов отношений. Ольга являлась ему в горячих снах на протяжении месяца, и с утра часто приходилось наблюдать нехилый стояк, как у юного мальчишки. Давно с ним такого не случалось. Он уж думал, что пропил окончательно свое мужское здоровье, но после сумбурного секса на

его дне рождения желание женского тела только возросло. Пришлось подавить не к месту растянувшуюся улыбку.

Пока вызывал такси, Ольга отошла и поздоровалась с соседкой. Алексей оторвал глаза от телефона и узнал рядом с ней бабу Зину. Пожилая женщина кудахтала про наркоманов и показывала пальцем на его чёрную иномарку. Она заприметила рано утром следы аварии и успела разнести сплетни по округе, и теперь сетовала Ольге, что живут они далеко не в благополучном районе. Он отошёл от машины, делая вид, что не при делах и не знает, чья эта разбитая тачка.

Несмотря на все попытки обмануть тест, на следующий день нарколог разглядела в результате следы его ночных приключений и назначила жёсткую терапию. Помимо покупки недешевых седативных препаратов на длительный курс, пришлось полежать под капельницей и только потом бежать вприпрыжку на работу.

Разбитую служебную машину он объяснил начальнику так: на светофоре в него въехал пацан на «Жигулях», и так как у обоих на руках не было страховки, решили вопрос на месте. В эту ложь поверили, но дополнительную должность водителя с Алексея временно сняли, а с этим урезали получку и заставили незамедлительно заняться ремонтом, естественно, за свой счёт. Благо Ольга накануне перевела кругленькую сумму, и часть запчастей он заказал тем же утром.

В одночасье его расходы существенно превысили доходы.

Зарплата состояла из мизерного оклада, всё остальное — премии и переработки за каждый отдельно взятый заказ. Зимой в принципе туго с клиентами, а тут ещё и чинить бесплатно казённую тачку. Когда он отдаст Ольге хотя бы половину потраченных денег, было сложно сказать. А впереди новогодние праздники, и так хотелось надеть на свою любимую женщину хотя бы скромный позолоченный браслет, но тут не до подарков. Он в очередной раз убедился, насколько дорого ему обходится пьянство.

Только подумал о поиске подработки, как тут же в их автосервис пожаловал дорогой автомобиль. Все слесари побросали свою работу и выскочили облизывать клиента. Алексей с досадой остался за верстаком диагностировать покорёженную деталь. Этот заказ ему пока что не светил.

В течение получаса он слышал ругань, разносившуюся по цеху через маленькую форточку под потолком, и мысленно благодарил волю случая, что дерзкий клиент гнет пальцы сейчас не перед ним.

— Лёха, выйди к этой курице, она меня бесит! — напарник на эмоциях зашёл в цех и бросил заказ-наряд на слесарный верстак.

Алексей отложил деталь, вытер руки о грязную ветошь и направился в клиентский зал.

Очередная богатенькая автоледи устроила скандал и брызгала слюной в администратора, требуя, чтобы её люксовую машину починили вне очереди. Она кидала гневные

взгляды на будку, где оформляли документацию, и нервно тыкала свежим маникюром в страховку, ожидая, чтобы к ней подошёл ещё кто-нибудь из мастеров. Коллеги разбежались кто куда, лишь бы подальше от этой скандалистки.

Приблизившись к ней, Алексей улыбнулся, так как сразу узнал эту высокомерную особу.

— Привет, Крис!

Подруга с лагеря несколько не изменилась, разве что приделалась побогаче да волосы нарастила. Она обернулась, припустила солнечные очки с носа и взглянула исподлобья.

— Не поняла, мы знакомы? Меня сто лет так никто не называл, — выгнула брови она, стала потихоньку припоминать. Её надменное выражение лица сменилось улыбкой. — Громов, ёпрст! Какими судьбами в этой дыре? На большее не способен, что пришлось устроиться сюда? М-да уж. Хотя чего я спрашиваю, ты всегда был никчёмный бомжара, — махнула она рукой.

— Помниться, ты тоже выросла в этой дыре и называла меня Милаш, — ухмыльнулся он.

— Окстись, сороковой десяток разменял. Какой из тебя милашка?

— Так и ты тоже. Но выглядишь офигенно, — поправил он себя, ничуть не слукавив.

— Я б тебя обняла, но не хочу запачкать свой блейзер от «Гучи», — взглянула она сверху вниз на его рабочую робу.

— Что сломалось? — с тенью обиды перешёл он к делу.

— Это ты мне скажи! Ваша шарашка не хочет брать мой «Гелик», а мне позарез надо. Не полезу же я сама смотреть, что там стучит.

— Хм, могу глянуть, но вряд ли найдутся запчасти, если что-то серьезное. Придется заказывать и ждать минимум неделю. Обойдется недёшево.

— Деньги не проблема, — пафосно выставила она карту перед его носом. — И за доставку переплачу, лишь бы побыстрее. У меня обратный билет в Дубай через три дня, так что хоть вертолетом заказывай, мне без разницы.

— Ну пошли посмотрим, — отвёл он её руку от своего лица.

На улице сразу заприметил её машину возле ангара и пристынул. Черный отполированный «Гелендваген» не спутаешь с китайскими тачками и подержанными иномарками нулевых. Похоже, бывшая соотрядница неплохо устроилась у кого-то на шее или подцепила арабского шейха.

Кристина подошла следом и показала, что стучит где-то под капотом.

— Заведи двигатель, — попросил он и полез проверять.

Кристина юркнула в машину и повернула ключи зажигания. «Гелик» зарычал, а затем урчание двигателя сменилось на жалобный свист, и внутренности капота заходили ходуном. Алексей сразу определил причину характерных звуков.

— Дубай, говоришь? Отдыхать или по работе?

— В смысле по работе?! Ты за кого меня принял?! —

огрызнулась она, выглядывая в открытую дверь с водительского места. — Я там живу вообще-то.

— Может, бизнес какой. Мне почём знать, — ответил он и захлопнул капот, хотя несколько не удивился бы, что она работает дорогой эскортницей. — Глуши! Растяжение цепи ГРМ. Сделаю за пару дней, не переживай.

— Спасибо, — выскочила она из машины и клюнула его в щеку, повиснув на шее. — Не зря Мотя вас рекомендовал.

— Мотя? — издал смешок Алексей.

— Для вас Михаил Евгеньевич, — растянула Кристина и театрально закатила глаза.

Теперь ясно. Это глава холдинга, к которому относится их филиал. Шестидесятилетний мужчина с большим пузом и толстым кошельком приезжает раз в год, листает новостную ленту, пока их директор слёзно выпрашивает денег на развитие автомастерской, и каждый раз после совещания пытается кого-нибудь уволить, чтобы урегулировать бюджет. Вот, значит, кто оплачивает Кристине дорогие шмотки, безбедное проживание в ОАЭ и ремонт машины, на которую Алексею за всю жизнь не заработать.

— Милаш, посмотри еще, пожалуйста, правое зеркало. Я случайно задела дерево, когда парковалась возле клуба. Не хочу, чтобы он узнал, — кокетливо прикусила ноготь Кристина.

Алексей осмотрел микроскопическую царапинку, которую незаметно можно подшпаклевать поверх краски за пять

минут, и принципиально соврал:

— А вот это будет стоить дорого. Серьезно, Крис. Ты попала на бабки.

— Сделаешь? В долгу не останусь, — скрутила она губы бантиком.

— Конечно, куда я денусь.

Кристина расплылась в улыбке, тыкнула ноготком ему в кончик носа и ушла в клиентский отдел оплачивать услуги, напевая знакомую только ей мелодию. Алексей вытер руки ветошью и присел на лавочку у входа.

— Мы тут всей мастерской приплясывали полчаса вокруг неё, а ты быстро управился. И пяти минут не прошло, — вышел к нему напарник и закурил.

— Знаю подход, близко знакомы, — улыбнулся Алексей.

— Тю, никак это склочная баба — твоя? — поднял бровь тот.

— Упаси господь! — возмутился Алексей и полез в карман за пачкой сигарет. — Моя кричать не умеет, не то чтобы скандалы устраивать. Это Кристина. Дружили одно время, а теперь птица важного полета, цедит бабки с шефа. Я для неё так, обслуга, хотя и помнит.

— Ах вон оно что! Так-то если ей рот заклеить, то вроде и ничего, — хрипло рассмеялся и закашлялся напарник, а потом вдруг посерьезнел и сменил тему. — Я смотрю у тебя мешки под глазами, снова прибухиваешь?

Алексей промолчал. По взгляду напарника стало понятно,

что в аварию с «Жигулями» на перекрестке он не поверил. Неужели всё так очевидно?

— Да там похороны. Не выспался, короче, — отвёл глаза Алексей.

— Угу, так и подумал. Планы на завтра есть?

Планы. Починить «Гелик», угодить Кристине, не спалиться перед Мотей за езду на рабочей машине в нетрезвом виде, найти деньги на фару, отдать долг Ольге, не поехать кукухой, не напиться, не умереть. Планов — вагон и маленькая тележка.

— Работы полно, — ответил он.

— Я не про работу, — махнул рукой напарник и замялся. — Слушай, Лёх. У меня знакомый ходит в одно место. Говорит, помогает. Думаю, тебе бы тоже не помешало. Короче, есть группа. Мужики собираются, разговаривают...

— О, началось! — перебил Алексей.

— Да погоди! Там ничего такого. Без проповедей, без Иисуса. Просто делятся. Я адрес скину, сам решишь. Не понравится — никто не заставляет. Сходи, с тебя не убудет.

Напарник сбросил в мессенджер контакты: «Клуб анонимных алкоголиков, ул. Советская, 14, вторник и пятница в 19.00».

Алексей посмотрел на экран, потом на «Гелик», потом на свои руки, которые снова затряслись.

Ты хотел завязать. Ради Ольги. Ради себя.

Но что, если не получится? Что, если он придёт туда, а

они все — пропащие, опустившиеся, потерянные? Он ведь не такой. Он просто...

Да кто же, черт возьми, я?

Алексей убрал телефон в карман, встал и направился в цех. Завтра. Он подумает об этом завтра.

Глава 4. Пластиковые стулья

Плейлист: Потомучто – «Алкоголик»

Во вторник в семь вечера Алексей стоял у дверей бывшей школы на окраине. Снег скрипел под ногами, в карманах куртки сжимались кулаки.

Что я здесь делаю? Выслушивать бомжей — тоже мне терапия. Лучше бы к Оле поехал.

Ему было неловко видаться с ней после выходных. Однако Ольга настаивала на встрече и обижалась, что он второй день придумывал отмазки, стесняясь своего нулевого баланса на карте.

«Лёш, мне по барабану на рестораны. Понимаю, тебе сейчас не до этого. Я просто соскучилась, пошли хотя бы погуляем? А поесть мы и дома можем. Мои котлеты не повторит ни один шеф-повар))))» — пришло от неё смс.

«Завтра приеду, сегодня занят. Извини», — ответил он, спрятал телефон в карман и толкнул дверь.

В темном вестибюле увидел указатель «Клуб анонимной помощи» и направился по обшарпанному коридору вглубь школы. По дороге изучал вывески на дверях бывших классов. Это помещение сдавали в аренду различным мелким организациям: микрозаймы, ремонт обуви. Место, куда он направлялся, оказалось в самом конце рекреации.

Тут было накурено, на подоконнике возле открытого окна

стояла жестяная банка из-под оливок, наполненная до краев окурками. Дверь искомого кабинета приоткрыта, внутри раздавались голоса пришедших. Собравшись с духом, он вошёл.

Приглушённый свет, настраивающий на нелегкий монолог, плакаты о вреде алкоголя на стенах. В углу кулер и кофейный столик, на нем электрический чайник и вазочка с печеньем. В центре класса полукруг пластиковых стульев. Люди, прилично одетые. Мужчины и женщины, от двадцати с хвостиком до глубоких пенсионеров. Никто не обратил внимания на вошедшего, не ткнул в его сторону пальцем, не крикнул: «Смотрите, ещё один алкоголик!».

Алексей сел на свободный стул между тучной бабулей в вязаной кофте и парнем в спортивном костюме, который нервно перебирал чётки, бормотал себе под нос и не поднимал глаз.

Возле меловой доски заговорила полная седая женщина с короткой стрижкой:

— Вижу, у нас есть новенькие. Для тех, кто меня не знает, представлюсь: Жанна Борисовна. Можно просто Жанна, ваш лектор. Кто хочет начать?

— Я хочу! — выпалил парень с четками. Алексей подпрыгнул от неожиданности. — Меня зовут Серёжа. Я наркоман. Сегодня ровно два месяца, как не употреблял.

— Здравствуй, Серёжа, — вяло ответили остальные присутствующие.

Алексей передернулся. Если *так* проходят собрания, то он не готов. Ни говорить, ни отвечать.

— Так держать, Сережа! — похвалила Жанна Борисовна.

Сережа выглядел на двадцать пять, чисто выбрит, кроссовки «Найк». Женщина в вязаной кофте по другую сторону — обычная бабушка, которых утром полно в маршрутке. Они все обычные.

Затем говорили другие. Ровесница Ольги представилась:

— Привет, я Ира, и я алкоголик.

— Привет, Ира, — ответила группа.

А так с виду и не скажешь, что она пьет. С головой, видать, не порядок, если считает себя такой.

— У меня сегодня одиннадцать месяцев, — продолжила Ира. — Вы не представляете, как сосет под ложечкой от мысли, что скоро «круглая дата». Спонсор говорит: «Не думай о годе, думай о том, чтобы не выпить следующие пять минут». Я работаю над этим, девятый шаг. Позвонила сыну. Тиму, который не разговаривал со мной три года. Сказала просто: «Я была плохой матерью. Ты не обязан меня прощать». Он молчал минуту. Потом спросил: «Ты действительно сухая?». Я ответила «да». Он сказал: «Мама, это кринж полный». И повесил трубку. Но он меня услышал. Спасибо.

— Спасибо за трезвость, Ира, — тихо ответила группа.

— Привет, я Антон, алкоголик, — заговорил следующий.

— Привет, Антон.

— Я слышу боль, Ира. Тема сегодня — «Смирение». Пом-

ню, как на третьем шаге орал на спонсора: «Не буду молиться унитару!». А он сказал: «И не надо. Твоя Высшая сила — это дверная ручка. Пока не признаешь, что дверную ручку тоже не контролируешь, ты выпьешь». Я тогда психанул и ушел. Напился в хлам. Вернулся через неделю. Теперь моя Высшая сила — это порядок в природе. Солнце встает без моего согласия. И я не пью без моего согласия. Только сегодня.

Ясно короче. Заставят молится Кришне и скупать обереги.

Алексей внимательно слушал, но насторожился. Напарник вообще в курсе, что привёл его в секту? В голове не укладывалось, что таким способом можно избавиться от срыва. Это так не работает. Они все здесь слабые тупицы с выдуманными проблемами. У него совершенно другая история. Он здесь лишний.

Потом выступал учитель. Потом женщина. Потом мужчина лет пятидесяти в дешёвом пиджаке, с красным лицом и дрожащими пальцами. Он рассказывал, как ударил жену, когда та спрятала водку. И плакал. По-настоящему, без стеснения, утирая нос рукавом.

Круг молчал. Никто не осуждал. Никто не говорил: «Ты чудовище». Просто слушали.

— Может быть, кто сегодня впервые хочет поделиться? — спросила Жанна Борисовна. — Вы можете просто представиться или сказать: «Я пас».

Алексей не увидел обращённых на него взглядов, но по-

чувствовал, что от него ждут.

— Ну, типа, привет, — просипел он, откашлялся и назвался: — Я Лёха... Наверное, алкоголик.

— Привет, Лёха.

— Как думаете, в чём ваша проблема? Когда это началось? — поддержала Жанна Борисовна.

— Я выпиваю, но не так чтобы часто, не каждый день, — начал он, но передумал. — Короче, наверное, ошибся адресом!

— Как и все мы, — сказал мужчина, который ударил свою жену. — Все думали поначалу, что попали не туда. Посмотри вокруг. Видишь здесь алкашей? А они есть, и признают это! Кто-то заложил дом, у кого-то дочь по притонам ошивается. Но мы здесь не для того, чтобы жаловаться. Мы понимаем, что не сегодня-завтра один из нас сорвётся, поэтому и слушаем других, чтобы самим не попасть снова на этот крючок. Говори, если хочешь, мы тебя слушаем.

Алексей огляделся. Теперь на него смотрели не меньше десяти человек. Без любопытства, без издёвки. Смотрели как друзья, коллеги по несчастью.

— Ну, я не знаю, как объяснить, — опустил он глаза в пол и стал ковырять заусенцы на пальцах. — В общем, была женщина. Точнее, есть сейчас... Познакомился с ней, когда был совсем юнец. Замутили. Но потом она ушла, потому что ей нужен был зрелый мужик. Выбрала другого, короче. Я думал, что она благополучно забыла меня, и начал глушить

боль. А потом уже не понимал, зачем заливаю в себя.

Алексей обратил внимание, что нервно трясет ногой, и поднял голову. Круг молчал, ожидая продолжения.

— Недавно мы встретились спустя много лет. Оказалось, что она помнит, просто обстоятельства тогда были не в мою пользу. Сейчас мы снова вместе. Так что можно считать, у меня всё хорошо.

— Но ты здесь. Значит, дело не в ней, — сказал тот мужчина в пиджаке. — Любовный треугольник — классика для этого места. Только это начало, поверь. Отправная точка. Дальше хуже.

Алексей почувствовал, как сжимается комок в горле. Он подумал о той ночи, когда врезался в забор, вспомнил поминки и лицо Марины, которая рявкнула: «Тебе здесь не рады!» Ольга — это не всё, есть куча других причин.

— Спасибо, что поделился, — сказала Жанна Борисовна. — В следующий раз сможешь рассказать больше, если почувствуешь в этом необходимость. Это поможет вдохновить других. Кстати, среди нас есть писательница. Возможно, она захочет изложить твою историю. Да, Жень?

Она улыбнулась и махнула в сторону девицы с татуировками и пирсингом, вальяжно развалившейся на стуле. Женья громко чпокнула пузырем жвачки, отсалютовала двумя пальцами и сказала: «Хай!»

Тут записывают разговоры?! Ни хрена себе анонимность.

— Спасибо всем. Жду вас в пятницу.

Собравшиеся заскрипели стульями и разошлись по углам — наливали воду, разговаривали парами. К Алексею никто не подошёл. Он вышел из класса в смятении.

С одной стороны, ничего не произошло. Просто пришел, просто послушал других. Его проблема никак не решилась, и он подумал, что зря сюда явился. С другой, после сеанса почувствовал необъяснимую лёгкость. И не пришлось «Харе Рама» разучивать.

Он подошёл к подоконнику с импровизированной пепельницей и закурил.

— Как тебе у нас? — послышался голос сзади.

Он обернулся. Мужчина — тот, что в дешёвом пиджаке и с красным лицом. Только сейчас Алексей заметил, что пиджак не просто дешёвый, а великоват, будто взяли с чужого плеча.

— Да я не понял, если честно.

— Новички всегда теряются. — Мужчина протянул руку. — Виталий. Можешь называть Виталя. Угостишь сигаретой?

— Давно ходишь? — спросил Алексей, передавая ему пачку.

— Шесть лет. — Виталий затянулся, выпустил дым в форточку. — Ты не смотри, что я сегодня ревел. Бабу ударил — это было на четвёртом году трезвости. С тех пор ни-ни. А жену я до сих пор люблю. И она меня простила. Вот что чудо-то, а? А твоя как решилась?

— Да она и не знала, — тихо ответил Алексей. — Собственно, так и сошлись. Я ей правду, а она пожалела. Не понимаю, зачем ей это.

— Любит, — пожал плечами Виталий. — Хорошо, когда есть за кого держаться. Только помни: не ради неё. Ради себя. А иначе сорвёшься, как только она отвернётся.

Алексей хотел возразить — и не смог. Потому что он был прав.

— А эта Женя — кто? Правда будет записывать всё, что скажешь?

— Не бойся. Она такая же заблудшая душа, как и мы с тобой. Ходит редко. Раз придет, потом месяцами пропадает. Обмолвилась как-то, что пишет романы, но никто так и не видел её книг. В любом случае уверяла, что имена и совпадения случайны. Мне кажется, что тут половина группы представилась не своим именем. Так проще, понимаешь?

Алексей выдохнул дым и согласился.

— Слушай, тебе спонсор нужен. По правилам. Могу я. Если хочешь, конечно. Я не психолог и не священник. Просто мужик, который тоже через это прошёл. Звони хоть в три ночи, когда захочется нажраться. Будешь врать — узнаю. Будешь честен — помогу. Ну как?

Алексей посмотрел на него. Красное лицо, мешки под глазами, но спокойные и твёрдые глаза. Такие бывают у людей, которые видели дно и поднялись.

— Буду врать — узнаешь? — переспросил Алексей.

— Узнаю. Потому что я тот ещё лгун был. Пока не понял, что обманываю только себя.

Они докурили в тишине. Виталий протянул руку, чтобы написать номер телефона. Алексей сохранил контакт — «Виталий (клуб АА)».

— Звони завтра, — сказал он. — Не пропадай. И запомни: срыв — это не конец. Это просто срыв. Главное — вернуться в круг.

Он ушёл — быстро, сутулясь, пиджак болтался на плечах. Алексей остался один в коридоре. Затушил бычок о подоконник и понял, что первый шаг наконец-то сделан.

Утро началось со звонка Виталия. Он спросил, как дела, не сорвался ли, и напомнил про следующее собрание. Алексей ответил коротко: «Я норм» и зачем-то махнул головой невидимому собеседнику на том конце провода. Отчитываться каждый день о сухом дне не входило в его планы и, если честно, раздражало. Однако такие правила, и Алексей мирился, чтобы помнить, ради кого это всё начал.

Ольга закидала его сообщениями, и он сдался. Согласился заехать вечером, хотя по-прежнему считал, что гулять по улицам без гроша в кармане — прерогатива подростков. Но когда увидел её подернутые холодом розовые щеки и любовно горящие глаза, не осталось сомнений, что эта женщина с ним вовсе не ради денег.

Её не смущал ни пар изо рта, ни то, что их губы в со-

тый раз склеились на морозе. Ольга всю дорогу улыбалась, держала его за руку и прижималась, насколько это позволяли пуховики. Кинулась в него снежком и завалила в сугроб, в котором, спрятавшись от прохожих, согревала страстным поцелуем. О таких романтических свиданиях он не мечтал даже в шестнадцать.

После часовой прогулки по её району Ольга напомнила, что пора забирать внука из сада. Алексей собрался попрощаться, но она потянула за собой, не желая расставаться. Присутствие ребенка ей совершенно не мешало, а вот он знакомиться ближе с её семьёй пока боялся. Но когда-нибудь всё же придётся, поэтому решил, что ничего страшного не произойдёт, если проводит их домой.

Ольга скрылась за дверью детского сада. Листок бумаги с объявлением, прикреплённый на входе для родителей, шелхнулся от лёгкого ветерка. Алексей отошёл к калитке и облокотился спиной на невысокий заборчик.

Непривычно забирать чужого ребенка, но ради лишней минуты с Ольгой он мирился с её обязанностями и готовился понравиться маленькому члену семьи. Мальчик пока не догадывался, что плохого в Алексее. От этого стало немного спокойнее, и казалось, что знакомство пройдет на ура. Только вот хочет ли её семья тесно знакомиться с ним?

Яркое нарисованное солнышко и причудливые грибочки с забавными рожицами на стенах беседок смотрели на него с явным прищуром и словно передразнивали: «Не хотят! Не

хотят!»

Он глянул на часы. Ещё полчаса, и на улице начнет темнеть. Ольга не слишком торопилась. По всей вероятности, заботливо заправляла свитер в рейтузы Андрюше и укутывала в шарфик. Пятнадцать минут ожидания стали утомлять.

Из садика выходили другие родители со своими чадами, только не Ольга. Молодые мамочки, пряча детей за спиной, недовольно поглядывали на Алексея и ворчали себе под нос, что стоит тут какой-то подозрительный тип, но деться было некуда. Если отойдет подальше, то Ольга потеряет его из виду. Он заметил неподалеку скамью в соседнем дворе, где можно укрыться от недовольных взглядов мамаш, достал телефон и хотел отправить Ольге смс с координатами, как тут же послышался детский голосок за спиной:

— Бабушка, покатаешь на санках?

— Нет, Андрюш. Тебя папа катает, а мне будет тяжело, — сказала Ольга.

— А твой друг может меня покатать? Он же сильный?

Алексей почувствовал странное тепло в груди от слов «твой друг» и непроизвольно улыбнулся. Значит, Ольга разговаривала с мальчиком о нем и поэтому так долго возилась. Знакомиться будет проще, чем казалось.

— Давай сам спросишь. Вон он! Подойди, поздоровайся.

Алексей обернулся и увидел мальчишку. На нём синтепоновая курточка поверх тёмно-синего комбинезона. Под капюшоном белая шапочка, надвинутая по самые брови. На

шее намотан в три слоя вязанный шарф, скрывающий губы и подбородок. Видны были лишь ярко-зеленые глаза с бесцветными ресничками и покрасневший носик. Он был похож на толстого пингвинчика, который неуклюже топал в цветастых сапогах и размахивал рукавами, из которых торчали варежки на резинках.

Неужели их до сих пор пришивают к вороту куртки, чтоб не потерялись? Времена идут, а дети всё такие же растяпы.

— Привет. Меня Лёша зовут.

Алексей, улыбаясь, присел на корточки и протянул ладонь мальчику. Тот застеснялся и спрятался за подол Ольги.

— Андрюша, что нужно сказать? — Ольга вытянула его за ручку и повернула плечами к Алексею.

— Дратути.

— Не слишком он разговорчивый у тебя, — усмехнулся Алексей. — Андрюха, не стесняйся! Ты же свой парень! Будем дружить?

В ответ мальчик отвернулся к Ольге и спрятал нос за пуговицами её пальто, однако Алексей успел заметить смущённую детскую улыбку.

— Пойдёмте домой! Мама перед уходом купила нам вкусностей к чаю. Дядя Лёша будет пить с нами чай? — Ольга взглянула на Алексея. — Андрюша, позовём его в гости?

Ребёнок расслабился от мысли о вкусняшках, отстранился от неё и махнул головой, а затем ухватил за рукав Алексея

и потянул его в сторону дома. Ольга неспешно шла рядом и улыбалась во все тридцать два.

Ольга прислонилась к косяку, сложив руки на груди, и умилялась над двумя мальчишками. Одному четыре, другому тридцать семь.

Андрюша, как только они зашли домой, сразу повел Лёшу в детскую комнату. Показал ему свой игрушечный автопарк, и вместе они собрали робота из «Лего». И вот уже пятнадцать минут она не может их дозваться на кухню и накормить своими хваленными котлетами.

Они так увлеклись игрой, что Лёша, поверженный, распластался на полу, а внук лупил его по голове, оседлав сверху. Но оба раскраснелись и смеялись.

— Андрюша, перестань, — без укора сказала она. — Дяде Лёше больно.

— Ничуть не больно! — подскочил Лёша, подхватил мальчонку за живот и поднял на вытянутых руках. — Вж-ж-ж-ы-ы! Внимание всем! Летит истребитель-бомбардировщик! Пригните головы, заденет буйными лопастями!

Какая же я эгоистка, зря его этого лишила.

— Откуда в тебе любовь к детям? — тихо спросила Ольга, улыбнувшись.

— А? Что во мне? — переспросил Лёша и опустил хохочущего Андрюшу.

Внук тут же присел на корточки, схватил машинку и стал

водить по ковру, наезжая колёсиками на ноги Лёши.

— Не зная тебя, подумала бы, что примерный отец, — сказала Ольга, подняла с пола детский комбинезон и повесила в шкаф. — Как будто у тебя есть ребенок, но не говоришь мне об этом.

— Это вряд ли. Даже если бы и был, то сказал, у меня нет тайн от тебя. Тем более я в этих делах осторожен.

Лёша принялся собирать с ковра детали конструктора, скидывая в коробку.

— Хм, ну да, — хмыкнула Ольга, — но ты можешь о них не знать.

— Я помню с кем... — осекся Лёша, взглянув на мальчика, и нахмурился. — Ни одна из них не скрыла бы от меня ребёнка.

— Серьезно так думаешь? — подняла бровь Ольга.

— Вы, женщины, все в таких ситуациях меркантильны. Сразу алименты начали бы выпрашивать.

— Представь себе, не все, — Ольга отвернула лицо в телевизор, работающий на фоне, и стала щелкать пультом в поисках адекватного мультика. — Есть те, которые предпочитают не говорить ради собственного душевного покоя. Не всем нравится нервотрепка с установлением отцовства. Давно общался с бывшей женой?

— При чем здесь она? Осведомлена о моих незаконных детях? Если так, расскажи, а то я не в курсе.

— Ну мало ли, она не сказала тебе, — пожала плечами

Ольга.

— С чего вдруг Алёне о таком молчать? — напрягся он.

— Ты обмолвился, что вы расстались далеко не на теплой ноте. Вполне возможно, что она до сих пор таит на тебя обиду. А детей предпочла растить с более зрелым человеком, который её полюбит.

— Как-то не думал об этом. Но уверен, что общих детей у нас нет, — почесал он голову и смутился. — Мы, знаешь, больше в дружеских отношениях были, чем... Ну ты это поняла. Не тянуло к ней совсем. Она наряжалась в бельё красивое, ждала, а я приходил в стельку и использовал кровать по назначению. А в таком состоянии уже не до того. И это тоже стало одной из причин развода. Если у неё кто-то есть сейчас, то я только рад буду.

— А чтобы делал, если узнал, что у вас есть ребенок?

— Не знаю. Помог бы чем смог, не оставил. У нас не вышло, но дитя в этом не виновато. Не рисуй из меня конченого циника. Да, я её не любил, но всё-таки она была частью моей жизни. И вообще, к чему эти вопросы? Ты меня пугаешь.

Частью твоей жизни... Конечно, любимый. Я знаю. От того и больно, что не я ей была, когда так нужна была тебе.

— Да так, — вздохнула она и задумалась над его словами.
— Тебе бы найти её, поговорить.

— Зачем?

— Хотя бы затем, чтобы знать, не навела ли она порчу на

тебя. А то вдруг всё это с тобой происходит из-за её ненависти.

— Да она добрейшей души человек. К тому же разошлись сто лет назад, с того дня претензий не было.

— Всё равно найди, извинись. Это тоже шаг к излечению.

— Откуда ты знаешь про девятый шаг? — вытянул он лицо.

— Девятый шаг? — переспросила Ольга.

Лёша напрягся и отвёл глаза на Андрюшу, который уставился в телевизор.

— Я не сказал, — сел он на диван. — Вчера был на собрании.

— Знаю. Давно пора.

Он удивлённо вскинул голову. Ольга присела рядом, взяла его за руку и кивком просила продолжать.

Глава 5. Золото и шрамы

Плейлист: Scorpions– «StillLovingYou»

Конец года не мог не радовать. У Алексея было всё замечательно: хорошая работа, любимая женщина, друг из клуба, трезвая жизнь.

После первого собрания он пересмотрел свое отношение к терапии. Выливая свои переживания на сторонних слушателей, которые тебя понимали, он чувствовал, что ему становилось легче. В голове разложились по полочкам установки и появилась мотивация.

Виталий звонил каждый день, интересовался состоянием, но не лез в личную жизнь. Хотя Алексей всё чаще рассказывал ему об Ольге и иногда делился подозрениями, что она с ним встречается из жалости и по старой памяти. От этих мыслей хотелось избавиться, погрузившись в алкогольный морок. Виталий не поучал, не ругал, а просто говорил: «Я тебе вот что скажу...» или «У меня как было...», а затем рассказ заканчивался словами: «Только тебе решать!». После таких мотивационных речей болезненные травмы от первой любви перерастали в прожитый опыт, перед глазами появлялась дорога в светлое будущее. Действительно, зачем оглядываться?

На работе дела шли в гору. За косметический ремонт царапины на «Гелендвагене» Кристина отвалила сверху хорошую сумму, которой хватило на покупку новой фары для ра-

бочей машины. А ещё ему официально светил большой процент за починку её машины. Директор отметил его золотые руки, клиентоориентированность и закрыл глаза на аварию, разрешив сделать кузовные работы за счёт фирмы. С помощью Алексея смог вернуть Ольге часть одолженных денег, хотя она не торопила.

Однажды по дороге в супермаркет он заметил, как красиво на улице. В городе готовились к приходу праздника. Всюду красовались пушистые зелёные ёлки, горели разноцветные огни, висели огромные расписные шары, припорошенные крупными снежинками. Из кофеен долетал запах корицы и глинтвейна, придавая уюта холодной снежной зиме. И вроде бы эта простая ежегодная обыденность неожиданно вдруг начала радовать и вызывать улыбку.

В раздумьях о празднике он прошел мимо ювелирки, тормознул и обернулся на витрину. Надпись «СКИДКИ» привлекла его внимание. Поколебавшись, зашел внутрь.

Несмотря на красный ценник, покупка украшений встала ему в копеечку, но без подарка для любимой уйти не мог. Пару недель назад Алексей тайком выпытал у Андрюши, что у Ольги тридцать первого декабря двойной праздник – не только канун Нового года, но и юбилей. С пустыми руками идти неприлично. Долго сомневался, что она больше любит – серьги или кольца, но так и сяк ему всё равно было дорого. В итоге консультант помогла выбрать тонкую золотую цепочку с маленькой подвеской из фианита. Смотрелось

достойно, решено.

В восемь вечера тридцать первого он мялся в прихожей Ольги.

— Цветы на Новый год? — удивилась она и приняла букет.

— Мне тут один птенчик начирикал, что у тебя сегодня день рождения. А то молчишь всегда, не рассказываешь ничего, а я даже не знал столько лет, — чмокнул он её в щёку.

— Какой птенчик? — смутилась она и потёрла след от поцелуя.

— Да вон, — кивнул ей за спину и опустился на корточки. К нему выбежал из комнаты Андрюша с радостным криком «Дядя Лёша!» и кинулся на шею. — Привет, разбойник! Смотри, что дед Мороз просил тебе передать. Тут игра есть с человеком-пауком, ты же хотел, помнишь?

Алексей достал из-за пазухи коробку с новым смартфоном, распаковал, включил и сунул ему в ручки. Андрюша уставился в экран широко открытыми глазами и внимательно следил за загрузкой приложения, а потом убежал хвататься маме.

— Лё-ша-а, — протянула Ольга с укором.

— Что? — поднялся он и смущённо взглянул на неё.

— Дед Мороз не слишком ли потратился на подарки?

— Надо было спросить, да? — оскалился он и втянул голову в плечи.

— На продукты хоть осталось?

— Да нормально, не переживай. Я помню ваш спор с Алиной в магазине. Там детская симка и блокировка нежелательных приложений. Давай ему хоть иногда поиграть. Он дешёвый, честное слово!

Ольга смиренно вздохнула, поблагодарила и пригласила за стол. В комнате раздавался звон приборов о салатники, голоса Алины и Коли и звуки концертной программы по телевизору.

— Не хочу вас стеснять, — отказался он, стесняясь сам.
— Это ваш семейный праздник.

— Какой же праздник без тебя? — любовно обняла она и прилипла к его губам французским поцелуем.

В коридоре прозвучал неловкий кашель. Алексей отстранился от Ольги и глянул за её спину. Алина прошмыгнула мимо них на кухню с грязной посудой в руках и бросила через плечо брезгливое «Здрасьте!». Сомнений, что он здесь лишний, не осталось.

— Приезжай завтра ко мне, — прошептал он Ольге на ушко. — Для тебя ещё один подарок есть.

— Точно не хочешь остаться? — грустно спросила Ольга. Он поправил её уложенный локон, оглядел сногшибательное нарядное платье и потряс головой. Не сегодня.

Ольга не стала уговаривать. Заботливо упаковала ему контейнеры с оливье, запеченным мясом и десертом и отправила восвояси.

Без пяти двенадцать он слушал речь президента и лако-

мился её блюдами, запивая минералкой. Представлял, как она сейчас пишет желание на листочке, чтобы сжечь и бросить в бокал. Как перебирает подарки Андрюша, сидя под ёлкой, и как Алина с Колей вдвоем держат шуструю пробку шампанского, которая норовит выстрелить из бутылки раньше времени.

Было немного досадно, что он снова празднует один, но так правильно. Рано. Слишком рано становиться родственником. У них с Ольгой вся жизнь впереди. Дети постепенно его примут, а пока незачем торопиться.

Под бой курантов отправил ей смс с поздравлением, выключил телевизор и лёг в постель. Это был первый год, который он встретил трезво.

Дневник Ольги.

«25 августа 2007

...ничего не могу с собой поделатъ. Я хочу это почувствовать. С Лёшей узнала, какими бывают отношения, когда ты действительно не безразлична...

Несправедливо. Почему я должна выбирать? По-моему, выбор очевиден.»

— Нафуфырилась-то! Оденься теплее!

— Я на такси.

Ольга подкрасила губы, глядя в зеркало, и скосила глаза на отражение недовольной дочери. Алина стояла рядом руки

в боки и придиричиво оценивала её новое платье с откровенным декольте.

— Тебя сегодня не ждать? — спросила с издёвкой дочь.

— Вернусь, но буду, скорее всего, поздно, — ответила она, закрывая колпачком тюбик помады. — В холодильнике полно еды. Разогрей на ужин Андрюше мясо с пюре, и сами ешьте салаты, а то пропадут. Белье с сушилки не забудь убрать и погладь наконец ребенку футболку! Долгоне сидите, а то режим собьётся.

— Мам, мне не пять лет! Справлюсь. Езжай уже к этому своему.

Этому своему.

Ольга почувствовала укол в груди, но ничего не сказала.

Дочь смирилась, что у матери появился ухажёр, но упорно не хочет называть его по имени, видеть в доме и ревнует к Андрюше. Всегда поджимает губы и хмурит брови, как только увидит, что Ольга снова собралась на свидание.

Последнее время непонятно, кто из них мать, а кто безрассудный ребёнок. Алина глядит на неё так же, как она смотрела четырьмя годами ранее, и молча взглядом поучает уморазуму. Но Ольга не могла с собой ничего поделать. Ей хотелось сбежать туда, где она почувствует себя женщиной, а не посудомойкой.

Взглянув напоследок в зеркало, она убедилась, что выглядит краше некуда, и вызвала такси. От Лёши как раз маякнуло сообщение, что ужин стынет в духовке.

Садясь в такси, она пожалела, что не послушалась дочь и не надела колготки. Мороз щипал лодыжки. Казалось бы, всего две минуты: из дома в машину, с машины — в горячие объятия любимого, но всё равно успела замёрзнуть, пока добиралась.

Лёша встретил её на пороге квартиры. Чисто выбрит, рубашка отглажена, улыбка на лице, глаза светятся. Из кухни доносятся аппетитные запахи, значит, ещё и готовить умеет. Загляденье, а не мужчина, если не знать о его пристрастиях.

И почему Алина бунтует? Подумаешь, разок был не в себе. Она ведь даже не вышла из комнаты той ночью, не видела эту колоссальную разницу.

Терапия шла ему на пользу, и Ольга надеялась, что больше никогда не увидит его пьяным. Не будет мучиться чувством вины, что из-за неё он пристрастился.

Она сняла пальто, разулась и прошла в гостиную. Посреди комнаты стоял накрытый стол. На нем тарелки и приборы, разложенные по правилам этикета, вазочка в центре с алой розой.

Ничего себе! Прямо как в ресторане. Романтик мой ненаглядный, старается умничка.

Пока она усаживалась на стул, Лёша принес с кухни основное блюдо.

— Мадам, для вас сегодня в меню сибас в соляной корочке, томленные баклажаны, тартар из говядины и апельсиновый чизкейк. Желаете безалкогольное вино? — опустил он

тарелку на стол и накинул полотенце на руку.

— Всё сам?! — округлила Ольга глаза.

— Да нет, конечно, — сменил он наигранный выразительный лица, расплылся в улыбке и сел напротив. — Рыбу только умею. Остальное в ресторане заказал.

— Выглядит аппетитно, — повела носом она. — Не знала, что готовишь. В твоём холодильнике обычно пельмени да колбаса.

— Некому было раньше хвастать кулинарными шедеврами, — ухмыльнулся он. — Ты попробуй сначала. Я не уверен, что это вообще съедобно.

Он разложил по тарелкам рыбное филе, подкинул запечённые овощи и выдал порцию ей. Она схватилась за вилку и закинула кусочек рыбы в рот, напрочь забыв о ноже и этикете, но тут же замерла.

— Пересолил, — скис Лёша, увидев её реакцию, бросил салфетку на стол и протянул руку. — Давай сюда, выброшу. Не будем это есть!

— Не-не-не! Осень вкушно! — возмутилась с набитым ртом она и придвинула тарелку к себе ближе.

Соль действительно скрипела на зубах и портила вкус, в остальном — ничего, сочное. Есть можно, если не обращать внимания, что повар, кажется, сильно в кого-то влюбился. И Ольга догадывалась, в кого.

Она прожевала, пытаясь не кривить лицо. От мысли, что он готовил сам, старался, стало чуточку вкуснее, однако рука

сама потянулась к бокалу скорее запить это дело вином.

— Прости, давно не открывал рецепт, подзабыл пропорции. Может всё-таки не будешь это есть, и закажем пиццу?

— Лёш, я пришла сюда не набивать желудок. Тут и так полно всего, — улыбнулась она и потянулась к мясу.

Они принялись уплетать остальные блюда, посмеявшись над его кулинарным фиаско. Рыба благополучно была отставлена в сторону. Лёша подливал вино и внимательно слушал. Ольга рассказала, как Алина сегодня пасла её в коридоре перед уходом, злясь, что Андрюша теперь не вылезает из телефона. Потом коротко, как вчера отметили новогоднюю ночь.

— Кстати о празднике, — поднял он бокал. — За тебя, любимая. С прошедшим днём рождения!

— Ой, да было бы что праздновать. Не восемнадцать давно.

— О как. Интересно ты поздравление принимаешь. Чего вдруг загрустила? — удивился он.

— Сорок пять, — тяжело вздохнула она и опустила глаза. — Даже свечи на торте местами не поменяешь, ещё страшнее выглядит.

— Ну-ка посмотри на меня. Что за разговоры про возраст?

Ольга взглянула на него. Молодой ещё. Ему бы жениться, детей нарожать, а он, дурак, с ней сидит и глядит с обожанием.

Ну почему ты такой упертый? Я же давала тебе свободу.

— Ты помнишь меня молодой, красивой, но время идёт. Я смотрю на себя и всё думаю о том, что когда-нибудь тебе захочется девицу помоложе. Начнёшь врать, скрываться, а мне зачем эти волнения?

Вместо ответа Лёша шумно выдохнул, отставил бокал в сторону и поднялся. Подошёл, взял её за руку и вытянул из-за стола.

— Идём, кое-что покажу.

Он подвёл её к зеркалу на шкафу и встал позади. Ольга взглянула на его отражение, ничего не понимая.

— Что видишь?

— Нас.

— А теперь забудь про меня и смотри только на себя.

Ольга послушалась. Но что он хочет ей показать? Она каждый день видит себя в зеркале, и отражение ей нравится с каждым годом всё меньше. Глаза защипало.

— Зачем мне другая, если ты красива как никогда? — прошептал он над ухом. — Посмотри и скажи, что тебя не устраивает. Давай прямо сейчас избавимся от комплексов.

— Лёш! — психанула она и обернулась. Рассказывать ему о недостатках не хотелось, и так заметно.

Он мягко развернул её обратно и прижался сзади, обхватив руками за талию. Ольга обмякла в объятиях и всмотрелась в глубокую складку между своих бровей. Поднесла руку

к лицу, коснулась пальцами того места. Затем провела под глазом и задержалась на внешнем уголке, на котором поселились мелкие морщинки.

— Я старая! — вырвалось у неё.

Он убрал кисть и поцеловал возле виска, скользнув губами на веко.

— Это не старость, а следы мудрости.

Ольга смотрела, как он покрывал поцелуями её лицо, и не знала, как относиться к тому, что сейчас сказал. Но морщины — это не всё. Она опустила голову и коснулась шрамов на локте, оставленных Вовой.

— А это что тогда? Следы раболепия? — чуть не плача, продолжила она. — Я не смогла ему дать отпор, как ты просил. Позволила издеваться над собой. Ждала, что это всё однажды закончится, но его мести не было конца. Разве это красиво? Я какой-то уродский Франкенштейн!

Он зашикал, призывая не расстраиваться, взял её за запястье, поднял руку. На внутренней стороне предплечья — глубокий рубец от ожога, неровный, уродливый. Оставленный в день, когда она призналась в измене.

— Это следы лишь моей вины перед тобой. Напоминание, что я должен был находиться рядом и защитить. Оттого они мне так дороги.

— Их больше, чем ты видишь, — перебила она.

Он не прокомментировал. Сто процентов заметил в прошлый раз. Тогда, осенью, они оба изголодались, и неважно

было, у кого какой изъян. А сейчас Ольге как никогда хотелось, чтобы её тело волновало его, будоражило, а не отпугивало. Оно годами не знало ласки, только боль.

Лёша неспеша расстегнул молнию на её спине, стянул с плеч бретельки. Платье опустилось на пол кольцом вокруг ступней. В отражении Ольга видела, как он внимательно осматривал, хмурился, но не испытывал отвращения. В глазах лишь скорбь.

Она почувствовала, как он провёл пальцами по спине, от лопаток до поясницы. Там почти не было следов — только несколько тонких полосок у позвоночника, едва заметных. Потом опустил руку ниже, на бедро. Здесь шрамы глубже. Один, второй, третий — старые, белые, как паутина.

Он обхватил за плечи, притянул к себе и встретился глазами в отражении. Ольга смутилась и хотела прикрыть ладонями оголённую грудь, но он не позволил. И всё смотрел на её тело. Так, как смотрят на произведение искусства. Задумчиво, восторгаясь и не понимая одновременно.

— Ты теряешь со мной время, — глотая комок в горле, просипела она.

Он покачал головой из стороны в сторону.

— Уже потерял достаточно без тебя. Сколько бы ни осталось, я предпочитаю провести его с тобой. Закрой глаза.

Ольга повиновалась. Он убрал руки с её тела и отстранился. Несколько секунд ничего не происходило, а потом шеи коснулось что-то невесомое и холодное. Она вздрогнула, от-

крыла глаза. Присмотрелась в зеркало и увидела на себе золотую цепочку с миниатюрным аккуратным камушком, дотронулась до него пальцами.

— А теперь взгляни ещё раз на себя и скажи, что сейчас видишь?

— Это... — забыла она все слова на свете. — Лёша, это дорогой подарок. Очень красиво, но не стоило.

— Не дороже тебя. И если видишь красоту в этой безделушке, то почему не хочешь замечать свою? Не золото тебя украшает, а ты его.

Ольга замерла, очарованная блеском в отражении. Рубец на шее померк в сравнении с ним, а румянец на щеках подсветился теплым жёлтым оттенком.

Лёша стянул с неё белье. Прижимался, гладил шрамы и целовал шею, плечи, между лопаток. Она следила в зеркале за его действиями и чувствовала, как нарастает его возбуждение. Она все так же желанна и любима, несмотря на изъязны, возраст и предательство.

Она вспомнила запись из дневника. Ту, где сравнивала юного мальчика и своего избранника. Этот юноша очень повзрослел, не только внешне, но и умом. Но даже тогда она знала, что он другой. Не причинит ей боль, не обидит. Лёша берег её словно хрустальную вазу, как раньше. И ведь их связывали не только воспоминания и страсть. Было живое звено, доказательство искренней чистой любви.

Почему она не послушала свое сердце двадцать лет назад?

Кому пыталась что-то доказать? Вот тот, кто ей нужен был все это время.

Алексей опёрся на локоть и смотрел на Ольгу, которая лежала рядом на спине, прикрыв глаза. Её взлохмаченные локоны рассыпались по подушке. Он склонился над ней и вдохнул пьянящий аромат духов, поцеловал губы, подбородок, шею. Затем оглядел шикарное голое тело, которое ласкал минутами ранее. Шрамы его не пугали, страшнее была сама мысль, что ей пришлось пережить.

— Я скучал по этому, — сказал он, ведя пальцем от её запястья до плеча.

— По сексу? — открыла она глаза и повернула голову.

— Нет, глупышка, — улыбнулся он. — Хотя и по этому тоже. Больше по тому, как дрожишь, когда касаюсь тебя. По тому, как прижимаешься ко мне, обнимаешь. По твоему запаху. Не представляешь, как я боялся сегодня опять налажать и что ты снова убежишь.

Ольга протянула руку, провела ладонью по его щеке, по губам. Он поцеловал её пальцы, придвинулся ближе, обнял и зарылся носом в её волосы.

— А я боюсь разонравиться тебе, — зашептала она. — Ведь я, кажется, влюбилась.

Он резко поднял голову и уставился на Ольгу.

— Что? — покраснела она.

Ольга ни разу не говорила ему этого. Слова резали слух

— будто она сама в них не верит.

— Повтори, пожалуйста.

— Боюсь разонравиться.

— Не это, другое.

— Я... люблю тебя.

Сердце сделало задний кульбит, и ему захотелось расцеловать Ольгу. Он крепко стиснул её, так что она крикнула, и впился губами. Ольга пыталась одновременно улыбаться и отвечать на поцелуй, неуклюже чмокая его и хихикая.

На тумбочке задребезжал телефон, заставив обоих повернуть головы.

— Алина как чувствует, чем мы с тобой занимаемся, — недовольно взглянула на экран Ольга.

— Не отвечай, — уткнулся он ей в шею и стал водить кончиком носа по коже.

— А вдруг что случилось.

Она свайпнула кнопку вызова, уворачиваясь от его щекотки и приложив палец ко рту.

«Мам!!! Коля накричал... ушел... одна, страшно!» — слышал он плачь в трубке.

— Успокойся! — перекрикнула Ольга, села на краю постели и провела ладонью по лицу. — Давай по порядку. Что у вас там? Куда ушел? Андрюша где?

Алексей откинулся на спину, уставился в потолок и слушал.

— Жди, я скоро, — завершила разговор Ольга.

— Надо ехать? — спросил он в надежде, что она все-таки останется.

— Надо, — вздохнула она. — Утром позвоню.

Чмокнув его напоследок, Ольга встала, спешно оделась и вышла из спальни.

Глава 6. Муж на час

После того вечера Ольга закрылась. Нервно отказывала на любые предложения свидеться и кормила обещаниями все новогодние праздники. А ведь у них столько планов было: сводить вместе Андрюшу на каток, сходить в кино. Алексей домик за городом присмотрел на пару дней, лыжи в аренду, только зря. Он начал думать, что опять где-то допустил ошибку.

— Виталь, что я делаю не так? — спросил он у друга после очередного собрания.

— Ты делаешь всё правильно, — выпуская дым в форточку, ответил тот. — Для неё дети — целая вселенная. Конечно, она дёрнулась их спасти! У меня сын когда в аварию попал, моя ночами не спала, у его постели сидела, и не до меня пьяного было. Выгнала на улицу без всяких-яких, чтоб под ногами не болтался. Но я не в обиде, понял, принял. Сам посуди, была бы твоя ребятня в беде — оставил бы? Вот именно, нет! Нельзя же всё время думать только о себе. Дай ей передышку. Разрулит проблемы, вернётся.

— Но я скучаю. Она даже не говорит, чем помочь, что стряслось.

— Не обижайся, но ты ведь не член семьи. А может, не положено, тайна, — поднял он палец вверх.

— Нас здесь учат не врать. Только какой в этом толк, если

близкий человек всё равно не доверяет тебе.

— Обожди, образумится само собой. В конце концов сам заскочи с тортом, поиграй с мальчиком. Спроси, что нужно. «И то верно», — подумал Алексей.

Через неделю он решил, что больше ждать не может. Написал ей: «Заеду днём». Ольга не ответила. Подъезжая к её дому на авось, засомневался — а вдруг уехали? Припарковался во дворе, вышел из машины, позвонил в домофон — тишина.

Как так, Оля?! Сложно что ли ответить, где ты и что с тобой?

Раздосадованный, повернул обратно и увидел, как она показалась из-за угла. Тяжёлой походкой пошла к подъезду с опущенной головой, в руках пакеты из супермаркета. Обошла его и не признала.

— Оля! Что за дела?

Ольга резко обернулась и чуть не уронила покупки — повралась ручка. Продукты опасно свесились над землёй. Он подхватил пакет и поставил на скамейку.

— Лёша, ты чего здесь? — округлила она глаза.

— В смысле чего?! Ты вообще читаешь мои сообщения? — гаркнул он и стал завязывать пакет. — Три часа назад написал.

Ольга достала телефон, посмотрела уведомления и ахнула.

— Блин, не видела. Случилось что?

— Да случилось! — развернулся он, взмахнул рукой у её лица, пальцы растопырены — будто хотел схватить, но вовремя опомнился, расслабил и опустил ладонь. — Я волнуюсь.

— Почему волнуешься? — захлопала она ресницами.

— Оль, — выдохнул он и, успокоившись, приобнял. — Почему не звонишь, не отвечаешь? Если я где-то опять накосячил, скажи.

— Лёша, всё в порядке, — уставилась, не понимая, она. — Просто, ты же знаешь, Коля забрал посреди ночи Андрюшу, пропал невесть куда, а потом оказалось, что они у тех родителей в деревне.

— Не знаю, Оль! Не знаю! — перебил он. — Сколько можно прятаться от меня? Почему не просишь помощи? Ничего не рассказываешь? Пакеты тяжёлые одна носишь?

— Ой, забыла рассказать. Привыкла всё сама.

— Сама-сама-сама! Зачем я тебе тогда?!

— Прости, я всё поняла, — опустила она голову.

— Дура, блин! Напугала до чёртиков.

Алексей грубо притянул её к себе и задушил объятиями. Ольга сунула нос в ворот его куртки, прижалась покрепче.

— Где они сейчас? Ты одна дома? — спросил он, сменив тон.

— Коля привез вчера Андрея и свалил раньше времени на свою долбанную стройку. Собирался уехать после пятнадцатого, но они с Алиной снова поцапались. Как-то так, —

подняла она грустные глаза.

— А она?

— Да вон идёт, — махнула Ольга ему за спину.

Он обернулся и увидел Алину с Андрюшей. Она разглядывала на ходу, как он с Ольгой обнимался. Смутившись, Алексей отстранился и вежливо кивнул ей в знак приветствия. Андрюша тоже заметил его, кинулся навстречу.

— Здравствуйте, — грустно поздоровалась Алина, когда поравнялась с ними. — Чего вы все мнётесь у порога? Заходите в гости, Рождество как-никак.

Она бросила обиженный взгляд на Андрюшу, который прижался к его ноге, и зашагала к подъезду. Алексей переглянулся с Ольгой. Та лишь пожала плечами.

Алексей сел за стол на маленькой кухне. Напротив сидела Алина и поглядывала в его сторону. Он отвернулся, чувствуя себя неловко.

Ольга, стоя лицом к столешнице, суежилась. Закипел чайник. Она бросила нож, которым резала колбасу, и схватилась за дверцу шкафчика, чтобы достать посуду. Чашка чуть не выскользнула из её рук, одновременно нож решил скатиться на пол, и Ольга придавила его рукоятку бедром, чтобы не упал. Алексей и Алина оба подскочили и хором воскликнули:

— Мам!

— Оль!

— Сидите, — спокойно ответила она, отложив нож, и поставила кружки в ряд.

Чай был налит, гора бутербродов стояла в центре стола. Они молча сидели, перекусывали. Алина бросала взгляды то на Алексея, то на Ольгу.

— Ну? — спросила она. — Так и будем молчать? Расскажите хоть, где познакомились.

Алексей напрягся, в надежде, что Ольга первая заговорит, но она опустила голову в кружку. Алина сверлила его глазами.

— Мы давно знакомы, — начал он. — С две тысячи...

— В типографии! — перебила Ольга, придавив ему ногу под столом, и наигранно улыбнулась дочери. — Как-то раз на корпоративе потанцевали и вот.

— Вы же вроде автомеханик? — удивилась Алина.

— Да, я, — замялся он, глядя на Ольгу. — Одно время работы не было в городе, устроился к ним, но не по душе стало. Коленвалы мне ближе.

— Супер! — воскликнула Алина. — Коля тоже любит ковырять свою ласточку. Вам надо пообщаться.

Снова повисла тишина.

В кухню забежал Андрюша и разрядил обстановку, сунул ему в руки листок с каракулями. Алексей рассмотрел рисунок. На нем четыре человечка: два с длинными волосами, один с короткими и один маленький.

— Это я, это мама, это баба, а это — деда, — тыкал он

пальчиком и объяснял Алексею.

— Деда? — переспросила Ольга и взглянула на листок.

— Да. Он, — махнул головой мальчик и указал на Алексея.

Алексей вытянул лицо. Ольга посмотрела на внука и тепло улыбнулась, погладила его по макушке.

— Андрюша, это дя-дя! Дядя Лёша. Не деда. Давай тоже покушаешь, только сначала надо ручки помыть, — поднялась она и повела ребенка в ванную.

Алина проводила их грустными глазами.

— Хорошо хоть не «папа»! Ты ему стал роднее отца. Ничего, что на «ты»?

Алексей смущённо помотал головой, промычал, глотая непрожеванный кусок бутерброда.

— Любишь маму? — посмотрела она на него.

Он похолодел. Никогда не думал, что дети могут так строго смотреть. Должно быть наоборот, только, похоже, в этой семье Алина — главная. Стало понятно, почему Ольга так боится её послушаться.

— Я с серьезными намерениями, если ты об этом, — ответил он и вдруг начал оправдываться: — Слушай, в тот раз у меня проблемы были, перебрал. Извини, если напугал, обычно не веду себя так.

— Да кто я такая, чтобы осуждать её выбор, — опустила она голову и размешала сахар в кружке. — Ей давно пора о себе подумать. Красится хоть теперь, наряжается. Улыбает-

ся, когда к тебе идёт. Встречайтесь, я не против.

Алексей хотел сказать, что не пытается заменить ей отца, но в этот момент вернулись Ольга и Андрюша, и он промолчал. Алина доела, встала из-за стола и вышла с кухни. Ольга усадила внука на её место и разбавила для него горячий чай.

— Не обращай внимания, — сказала она. — После ссоры с Колей она совсем странная стала.

Через пару дней он приехал снова — помочь с телевизором, который завис. Потом ещё раз — починить розетку. Сначала по просьбам Ольги, потом уже не спрашивал разрешения — просто приезжал.

Алина больше не хмурилась в коридоре, радостно приветствовала его. Ольга не стеснялась, что он в гостях. А Андрюша только рад был появлению в доме дяди Лёши, иногда путая и называя его «деда». Мальчик интерпретировал его как пару бабушке, и Ольга не ругала за это, хотя Алексею резало по ушам.

Его приняли, пусть и не совсем так, как он ожидал. Быстро, скомкано, но всё же тепло. Однако он чувствовал, в чём причина: в этом доме висела тоска по мужскому плечу. Коля уехал на неопределённый срок, и женщины старались не акцентировать на этом. Алексей выполнял мелкие бытовые ремонты, помогал с тяжестями и ощущал себя мужем на час. Но не обижался. Каждая проделанная работа по дому вознаграждалась поцелуем от Ольги, вкусной выпечкой от Алины

и новым рисунком от мальчика.

Однажды Ольга опять позвонила и попросила его заехать, помочь собрать новую тахту для Андрюши. Из старой детской кровати ребёнок вырос.

Он приехал ровно к указанному времени, чтобы принять доставку от мебельного магазина. Дверь открыла Алина. В глаза бросилась домашняя одежда девушки: короткие спортивные шорты и топ в обтяжку, под которым не было бюстгалтера. Сглотнув, Алексей отвёл взгляд.

— Мама где? — спросил он, разуваясь.

— Она сегодня задержится на работе, разве не сказала?

— А Андрей?

— В саду, — загадочно улыбнулась она и направилась в кухню, покачивая бедрами. — Чай, кофе?

Доставка задерживалась. Он сидел за столом, прихлебывал горячий чай и старался не смотреть на Алину. Она же, наоборот, изящно скрестила перед ним ноги, оперлась локтем на столешницу и поглядывала с нежностью, хлопая ресницами. Он счёл этот взгляд проявлением благодарности за помощь.

Наконец затрещал домофон. Оба выскочили в коридор. Алексей снял трубку и нажал кнопку, открывающую подъездную дверь. Накинул тапочки и вышел, бросив ей: «Сиди, я сам приму».

Водитель «Газели», на которой привезли мебель, не хотел поднимать на четвертый этаж полуразобранную, упакован-

ную в пленку тахту, объясняя, что его работа только довезти, а дальше сами. Алексей сунул ему в руки тысячную купюру, и тот сразу же поменялся в лице и согласился помочь. Пока они вместе тащили наверх тяжёлую обновку, Алексей думать забыл о внешнем виде падчерицы.

— Сюда, — провела их в свою комнату Алина.

Кинув неаккуратно на пол свой край тахты, водитель быстро ретировался. Алексей выгнул спину и приступил к распаковке. Алина терлась рядом, помогая снимать упаковку, будто нарочно тянулась через него и касалась грудью его плеча.

— Раздвинь шторы! Иначе я саморезы растеряю в полумраке, — отодвинулся он и посмотрел на её круглое молодое личико.

— Да, ты прав. Их вообще пора постирать, — встретила с ним взглядом Алина. В её глазах забегали странные огоньки.

Она встала и вскарабкалась на подлокотник кресла, стоящего возле окна. Он приступил к сборке, отвернувшись от неё, чтобы не видеть торчащие из-под шорт ягодицы. Сидя на корточках, составил в ряд комплектующие, приготовил отвёртку, примерил спинку. Работа шла, и он уже не замечал, как опускаются на пол рядом полотна штор и скрипят крючки, царапая карниз.

Внезапно Алина покачнулась и спрыгнула с кресла, по инерции присела ему на плечо. Под её весом он повалился

на пол. Штора накрыла обоих с головой.

Несколько секунд темноты, в которой он расслышал «Ой!» и смешок Алины, а потом сообразил, что придерживает её за зад. Отпихнулся и замахал руками, чтобы скинуть с себя проклятую штору.

— Алина! — гавкнул он и подскочил. — Что за игры у тебя?

Она уселась на полу по-турецки в ворохе полотен и глядела на его реакцию, кокетливо улыбаясь. Алексей отвернулся, схватил с пола отвёртку и принялся закручивать уже затянутые наглухо саморезы. Руки тряслись, сердце стучало в горле, а щеки пылали. Боковым зрением он видел, что она наблюдает за его работой, и это сильнее раздражало. Хотелось поскорее закончить и уйти отсюда.

Не хватало ещё, чтоб девчонка приставать начала. Или показалось?

Ругая себя за такие мысли, он прикрутил последний саморез и собрал в кучу картонный мусор вокруг.

— Готово, — с раздражением бросил он.

Она поднялась с пола и плюхнулась на тахту, откинувшись на локти, по-прежнему не сводя с него глаз.

— Ну куда ты? — протянул он в сердцах руку. — Пропылесось сначала, вон на обивке со склада грязь и опилки.

Алина не шелохнулась, глядела в упор. На её лице не сходила игривая ухмылка, так похожая на Ольгину, когда та пыталась в свое время заставить его желать и краснеть. И у неё

это получалось, как, впрочем, и у дочери. В девчонке было что-то коварное и притягательное одновременно. Вьющиеся темные волосы рассыпались по плечам, едва прикрывая острые ключицы. Вырез на топики оголял ложбинку груди, вздымающуюся вверх-вниз от дыхания, торчал животик.

— Я пойду, — отвёл он взгляд, чувствуя, как пылает лицо и колотится внутри сердце.

Она подскочила, поймала его за руку, развернула к себе, впилась в губы. Он почувствовал во рту её язык. Резко оттолкнул и отскочил.

— Ебанулась?!

— Да брось! Я вижу, как ты меня глазами пожираешь, — приблизилась она снова как кошка и протянула тонкий палец к его груди.

— Если бы оделась скромнее, — стукнул он ей по кисти, — я бы не смотрел!

— Понятно, зачем сюда ходишь. Мама, конечно, ничего такая, но её тело уже не такое красивое. Не сравнится с моим, правда? Эх, это чисто по-мужски! Понимаю. Что ж, я вовсе не против, а ей не обязательно всё рассказывать.

— Убери руки от меня, больная!

Алексей пятился к выходу, ощущая, как кровь приливает не только к щекам, но и ниже пояса. Он споткнулся об игрушечную машинку на полу, упёрся спиной в дверной косяк и зажался.

Это неправильно! Прекрати смотреть на её грудь! Я люб-

лю Олю! Люблю Олю! Люблю!

В коридоре зашумела замочная скважина. Он открыл глаза, повернул голову и увидел в прихожей Ольгу. Затем бросил взгляд на Алину — она поправила задравшийся топик, пригладила волосы и села на тахту как ни в чем не бывало.

— Ну как вы тут? — донеслось из прихожей.

Ольга разулась и прошла в комнату в пальто, осмотрелась. Алина смахивала опилки с обивки, а он так и не отлип от косяка.

— Вы чего такие? Поругались что ли?

Улыбка сползла с лица Ольги. Она посмотрела сначала на дочь, потом на него. Алексей нервно потряс головой в ответ и сообразил, что все еще стоит с выпученными глазами.

— А чего занавески валяются?

— Оль, я сделал, что ты просила, — промямлил он, унимая дрожь. — Но меня вызвали на работу. Срочно. Так что мусор не успеваю, извини.

На этих словах он выскочил в прихожую, напялил ботинки и схватил куртку. Ольга не успела ничего сказать вдогонку, потому что его уже след простыл.

Он сидел в машине, опустив голову, и стучал пальцами по рулю. Дрожь не отпускала.

Невообразимо! Что на неё нашло? Вот тебе и познакомились ближе. И ведь чуть не поддался соблазну.

Отгоняя постыдные мысли, он повернул ключ зажигания.

Колеса взвизгнули, Алексей, удерживая руль в заносе, рванул из двора Ольги куда подальше.

Это не должно повториться. Пусть Ольга сама чинит розетки, нанимает рабочих. В конце концов зять не навсегда исчез. Он решил, что ноги его больше не будет в этом доме. И девчонка права — Ольге не обязательно знать о случившемся.

На пассажирском сиденье зазвенел телефон. Алексей краем глаза взглянул на входящий вызов.

«Алина».

Он прибавил громкости в магнитоле и сосредоточился на дороге. Не станет отвечать. Это уже верх наглости, неужели девчонка не соображает?

Почти доехал до дома, однако телефон не унимался всю дорогу. На четвертый вызов Алексей решил ответить и всё высказать:

— Слушай сюда, бессовестная мелкая дрянь! Я не собираюсь с тобой спать! Забудь мой номер!

— Лёш, маме плохо, — услышал он плач в трубке.

— В каком смысле плохо?

— Мы поругались. Она осела и не реагирует.

Он резко вдавил педаль тормоза. Сзади в него чуть не въехала другая машина и протяжно просигналила.

— Что ты ей наговорила?!

— Я сказала, — всхлипнула Алина, — что ты приставал.

— Идиотка!!! — заорал он, глядя в зеркало заднего вида.

— Ничего не делай, сейчас вернусь!

Сбросив звонок, он крутанул руль и пересёк две сплошные. Со всех сторон его обматерили гудками другие водители, но его это не волновало, как и то, что произошло всё на перекрестке под камерой.

Алексей нёсся на красный свет. Лишь бы успеть.

Долетел за три минуты, бросил машину посреди двора, оставив в замке ключи, и взлетел по лестнице на четвертый этаж. Когда Алина открыла, он чуть не вынес дверь с петель.

— Где? — только и смог произнести.

Алина дрожащей рукой указала на кухню. Алексей метнулся туда.

Ольга неподвижно сидела на полу, прислонившись спиной к кухонному гарнитуру. Он плюхнулся рядом на колени и приподнял ей голову за подбородок.

— Оленька, что с тобой? — тряхнул он её.

Ольга еле слышно промычала и посмотрела куда-то в сторону, за его плечо. Взгляд стеклянный.

— Ну-ка скажи что-нибудь!

Она попыталась произнести повторно, но слова были неразборчивы. Алексей приподнял ей руку — ту, что лежала неподвижно вдоль тела, — она шмякнулась обратно. Он повторил — то же самое.

— У неё инсульт.

Алина, которая стояла сзади, издала динозаврий клич и осела рядом.

— Чё ты расселась?! Быстро собирай одежду и документы! — рявкнул он и набрал 112.

Глава 7. Голосовое сообщение

Плейлист: Сплин – «Романс»

Алексей плелся с початой бутылкой пива по тёмной улице наугад. Бедный район, разношёрстные общежития. Где-то тут должен быть дом друга. Похоже на этот.

Он встал под лоджией, заваренной металлической решёткой от непрошенных гостей. Вместо стёкол на некоторых створках окон был вставлен плотный картон. На бельевой верёвке колыхался потрёпанный пододеяльник.

— Виталя! — закричал он в никуда. — Вита-аль!!!

В комнате загорелся свет, открылась балконная дверь. Виталий высунулся из комнаты и сквозь решетку вглядывался в темноту.

— Лёх, ты что ли? Сбрёндил? Пять утра!

— Виталь, выпей со мной! Я так больше не могу, — взмолился Алексей.

— Ща, погоди, выйду.

Его голова скрылась в проёме, свет снова погас. Сквозь картон проскользнула едва уловимая ругань. Пару минут спустя дверь в общежитие распахнулась. Виталий в одних трусах и тапочках выглянул во двор и поманил Алексея, ежась от холода.

— Сюда, быстрее!

Алексей, пошатываясь, пошёл в подъезд. Как только за

ним захлопнулась дверь, в нос ударил запах кошачьей мочи и сигаретный смрад. По дороге успел насчитать парочку жирных тараканов. Виталий повёл его на общажную кухню.

— Ты чего устроил? — усадил его на шаткую табуретку друг и поставил чайник на плиту. — Орёшь, как потерпевший под окнами. Я же говорил, звони, ежели неможоту.

— Невможоту, — сказал Алексей и протянул бутылку. — Пиво будешь? Чуть-чуть совсем.

Виталий отнял, вылил содержимое в раковину и выбросил бутылку в окно, захлопнув деревянную форточку.

— Как тебя угораздило опять? Всё ж ровно было.

— Олька моя в больнице, — икнул Алексей.

Виталий придвинул второй табурет к столу и сел, внимая.

— Бог мой! Рассказывай.

— Да что говорить. Козел я! Дочь её передо мной задницей крутила.

— Переспал что ли? — ужаснулся тот.

— Нет. Хватило мозгов. Но она же такая же, как Олька, красивая, понимаешь? Я на секунду задумался.

Виталий согласно закивал головой.

— Так, а с Ольгой-то что?

— Перенервничала. Эта дура малолетняя ей наплела что-то! Но ведь не было же ничего! Мне бы ей отхлестать за такое, а я смолчал. И вот! Мать довела до приступа, забрали на скорой, — Алексей опустил голову. — Всю ночь там просидел, а толку? Увезли на каталке, но так и не сказали ничего,

не пустили в палату. Не положено не родственнику, говорят.

Виталий протянул руку и похлопал сочувственно по плечу, затем встал и налил крепкий чай.

— Давай не раскисай! Ей помогли — уже хорошо!

— Но я не знаю, что с ней! Увидеть бы, — заскулил Алексей.

— В таком состоянии тебя не пустят и мусоров заодно вызовут, оно надо? Она поправится, не волнуйся. Отпивайся чаем и домой. Утро вечера мудренее. Проспишься, завтра наведишь. Слышишь? Ни шагу в сторону, иначе узнаю!

Алексей глотнул горячего крепкого чая. В словах друга была доля правды. Врачи сделали всё возможное, и угроза жизни миновала. По крайней мере, к нему не вышли с плохими новостями, значит, Ольга жива. В стационаре, под приглядом. Он сейчас ничем все равно не сможет помочь.

Он согласно закивал головой и одним глотком опустошил кружку. Чай обжег нёбо, в глазах прояснилось.

Ольга пялилась в больничный потолок. Штукатурка в углу потрескалась и вся в жёлтых подтёках. В палате холодно, воняло немытыми стариками и лекарствами. Бабулька под капельницей похрапывала на соседней койке. Противно пикали аппараты.

Последнее, что она помнит, — издевательскую ухмылку и слова дочери: «Он такой же кобель, как и все! Хотел меня и не скрывал этого!». Потом внезапно отказала половина тела,

одолеет жуткий страх за свою собственную жизнь и пришло осознание того, что Алина так и не узнает, а Лёша совершил грех, от которого не отмоется никогда.

Транзиторная ишемическая атака — так звучал из уст врачей диагноз, который она не может даже выговорить. Простейшие слова путаются в голове и даются ей с трудом. Жидкая каша, которой их кормят в больнице, словно кусок бетона не пролезает в горло. Дойти до уборной без ходул — целый квест, а правая рука болтается как резиновая. Не об этом она мечтала в сорок пять.

— Пронина, к тебе родственники, — сказала медсестра за дверью и впустила Алину.

Дочь, размахивая пакетом с апельсинами, влетела в палату и припала к её кровати.

— Мамочка, любимая, прости меня! — запричитала она. — Он не трогал меня, этого не было, я всё придумала! Мне так стыдно!

Ольга положила здоровую ладонь Алине на макушку. Хотела притянуть к груди, но не смогла — слабость всё ещё присутствовала в теле.

— Я не знаю, что на меня нашло! Клянусь, он ничего не сделал! — подняла Алина заплаканные глаза.

Бабулька-соседка громко всхрипнула. Обе вздрогнули и глянули мельком на неё, убедиться, что их не подслушивают. Ольга посмотрела на дочь, подбирая слова. В голову лезли только фразы «хочу сказать», «мне больно» и «люблю вас».

Сформулировать в одно предложение не получалось, а ещё нужно внятно это произнести.

— Мы так боимся за тебя, — прошептала Алина. — Ты знаешь, он ведь тут был. Всю ночь прождал. Нас не пускали.

Услышав про Лёшу, Ольга зажмурилась. Нет, нельзя ему видеть её в таком состоянии. Не сейчас.

Его вообще больше не должно быть в её жизни. Их пути разошлись давным-давно, незачем теперь пытаться строить отношения на лжи. Правда только разрушит семью. Не принесёт никому счастья. Пусть всё остаётся на своих местах так, как она решила двадцать лет назад.

— Отец, — всё, что смогла горько выдавить из себя она.

— Да, знаю, мамочка. Он как отец мне, прости меня. Я завидовала вместо того, чтобы понять это. Он хороший, правда! Мне просто сложно поверить, что тебя снова не начнут бить.

Ольга вытерла большим пальцем слезу на её щеке. Алина прижалась к сердцу и шептала без конца извинения. А она мучалась мыслями, что не может нормально сказать. Хочет, но долбанная болезнь не дает. Хотя, может, и к лучшему. Дочь с ума сойдет, если узнает, что натворила.

Ольга закрыла глаза. Перед внутренним взором встала пожелтевшая страница, которую она перечитывала сотни раз.

«26 сентября 2007

Сегодня узнала, что жду ребенка...

...Не так я себе представляла материнство. Не при та-

ких обстоятельствах и не рядом с человеком, которого не люблю.

Самым тяжёлым решением оказалось — навсегда прекратить общение с моим пионером...»

Пора рассказать, но как?

На следующий день Алексей набрал Ольгу. После непродолжительных гудков звонок сбросили. Он повторил попытку, но тщетно — Ольга не хотела или не могла говорить.

Переборов в себе отвращение, он позвонил Алине и без приветствия спросил:

— Как мама?

— Привет. Очнулась, почти не разговаривает. Врачи сказали, это несерьезный удар. Но если бы ты вовремя не спохватился, — всхлипнула Алина, — закончилось бы плохо.

Алексей тяжело вздохнул и потер ладонью лицо.

— С кем Андрей?

— Я позвонила Коле. Он приехал утром. Лёш, мне так стыдно, изви...

Он сбросил. Скурил две сигареты возле окна на кухне, задумчиво глядя на первую февральскую метель. А потом открыл мессенджер и надиктовал голосовое Ольге:

«Я не стану оправдываться и пойму, если ты не захочешь больше меня видеть, но просто хочу знать, что с тобой всё хорошо. Маякни».

Ольга прослушала и не ответила. Он мониторил её стра-

ничку каждый день, висел статус «онлайн», но ответа так и не пришло.

Через три дня Алина сообщила о выписке, но по просьбе матери запретила ему приезжать. Они договорились, что она будет ежедневно сообщать о состоянии Ольги, при этом он обрывал все её попытки извиниться.

На собрании впервые заплакал. Изнутри бесконечным потоком выплескивалось отчаяние и ненависть к себе. Виталий сидел рядом и сочувственно кивал. Жанна Борисовна посоветовала не корить себя, поговорить с девочкой. Выходя с собрания, Алексей написал Алине:

«Надо поговорить. Через полчаса во дворе».

А следом Ольге:

«Я все равно буду любить тебя несмотря ни на что».

Алина вышла в чем есть из подъезда, укутанная в пуховик, ноги полубосые. На ней не было лица, взгляд как у провинившейся псины. Он сунул ей в руки пакет с лекарствами и яблоками и сразу заговорил, чтобы опередить извинения:

— Я знаю твою мать дольше, чем ты живёшь, и не позволю всё разрушить! Если не думаешь о ней, подумай хотя бы о своем ребёнке! Мальчишка не заслуживает этой грязи. Он не должен видеть, как мамаша кидается на всех подряд.

Алина открыла рот, но потом захлопнула и опустила голову.

— Лёш, там, в больнице, я поклялась ей, что между нами ничего не было, но она замкнулась, не хочет слышать. Ты-

сячный раз прошу, извини меня! — взмолилась она.

— Перед ней извиняйся, ты чуть её не угробила! — рявкнул он. — Что у тебя в голове, черт возьми?!

Алина скривилась и зашмыгала носом, как маленькая девочка.

— Как она? — смягчился он.

— Лучше, но до сих пор не может ложку сама поднять, говорит бессвязно, лежит целыми днями и в потолок смотрит. Зарядку не хочет делать, может, сможешь уговорить? — взглянула она с надеждой.

Алексей понимал, что Ольга не горит желанием его видеть, стесняется своего беспомощного состояния. Да и он сам не знает, как после всего ей в глаза смотреть.

— Пожалуйста, Лёш! — схватила его за грудки Алина. — Я не могу разорваться. Учеба, Андрей, и теперь ещё за ней ухаживать! Помоги!

Алексей грубо скинул с себя её руки и отвернулся. Она закрыла ладонями лицо и заплакала. Внутри злость к девчонке отступала перед жалостью. Это просто буйная молодость, не со зла, по глупости. Одумается еще сто раз. Уже раскаялась.

— Пойдём, — глубоко вздохнул он и, приобняв её за плечо, повёл домой.

Ольга лежала на постели и прослушивала в сотый раз голосовое от Лёши. Мягкий и нежный голос говорил ей, что беспокоится за её жизнь.

«Не стану оправдываться».

Значит, всё-таки было. Алина в тот вечер сказала правду, а теперь прикрывает их шкуры.

Голос в телефоне убеждал, что Ольга ему дорога, при этом так подло поступил. И ладно если бы он был чужим, сторонним мужчиной, она бы поняла влечение к дочери. Но это не просто измена. Это страшная боль.

Не уберегла. Согрела больше, чем они.

Слёзы заполнили глаза. Потолок стал мутным. Она почувствовала, как горячие капли потекли по щеке одна за другой, подушка промокла насквозь.

«Всё равно буду любить», — пришло сегодня.

Она взглянула на экран и долго смотрела на эти строки, пока не погасла подсветка.

А я теперь не смогу любить ни тебя, ни себя.

Половица у входа заскрипела. Ольга повернула голову. Алина прошмыгнула в спальню, пряча кого-то за дверь.

— Мамочка, только не ругайся, пожалуйста, я кое-кого привела. Знаю, ты не хочешь его видеть, но он беспокоится.

Не ругайся. Даже если бы могла связать два слова, не стала бы. Какой теперь смысл? Сделанного не воротить.

Ольга отвернулась к стене.

— Мам, он помогал все эти дни, лекарства покупал, спрашивал каждый день. Поговори с ним, прошу.

Не дождавшись ответа, Алина скрипнула дверь и шепнула: «Видишь, о чем говорю? Она постоянно отворачивает-

ся и не хочет ничего». В ответ ей кто-то тяжело вздохнул, а потом прошел в комнату и сел на край постели. Матрас прогнулся, Ольга уловила знакомый запах мужского парфюма и машинного масла.

— Оль, — тихо произнес Лёша и легонько коснулся её плеча.

Снова нахлынули слезы. Она закусилла пододеяльник, чтобы успокоиться. Нельзя нервничать, врачи запретили.

Лёша прилёг сзади и обнял, зарылся носом в её волосы.

— Клянусь, я не трогал её. Верь мне, — прошептал он. — У меня самого чуть сердце не остановилось, когда тебя увезли. Самый большой страх — потерять тебя снова. Ты знаешь, как важна мне. Разве я мог это допустить? Быстрее удавился бы, чем спокойно смотрел тебе в глаза и лгал.

Ольга глубоко вздохнула. Это было так похоже на правду. Она хотела верить. Очень. Только что сказать, не знала — подходящие слова терялись в голове.

— И если переживаешь, что никогда не сможешь говорить как прежде и ходить, — понял он её молчание по-своему, — то я останусь тут и буду лежать вместе с тобой до старости. Только не прогоняй, пожалуйста.

Ольга колебалась. Если не врёт, то почему Алина тогда так поступила?

Несколько минут она молчала, думала, как жить дальше. А потом повернулась к нему. Поднесла к его щеке здоровую руку, провела ладонью, погладила по голове. Его веки были

закрыты. Он спал, прижавшись к её плечу, как мальчишка.

Она верила ему. Не до конца, но достаточно, чтобы не прогнать.

Глава 8. Москва-река

Плейлист: Chris De

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.